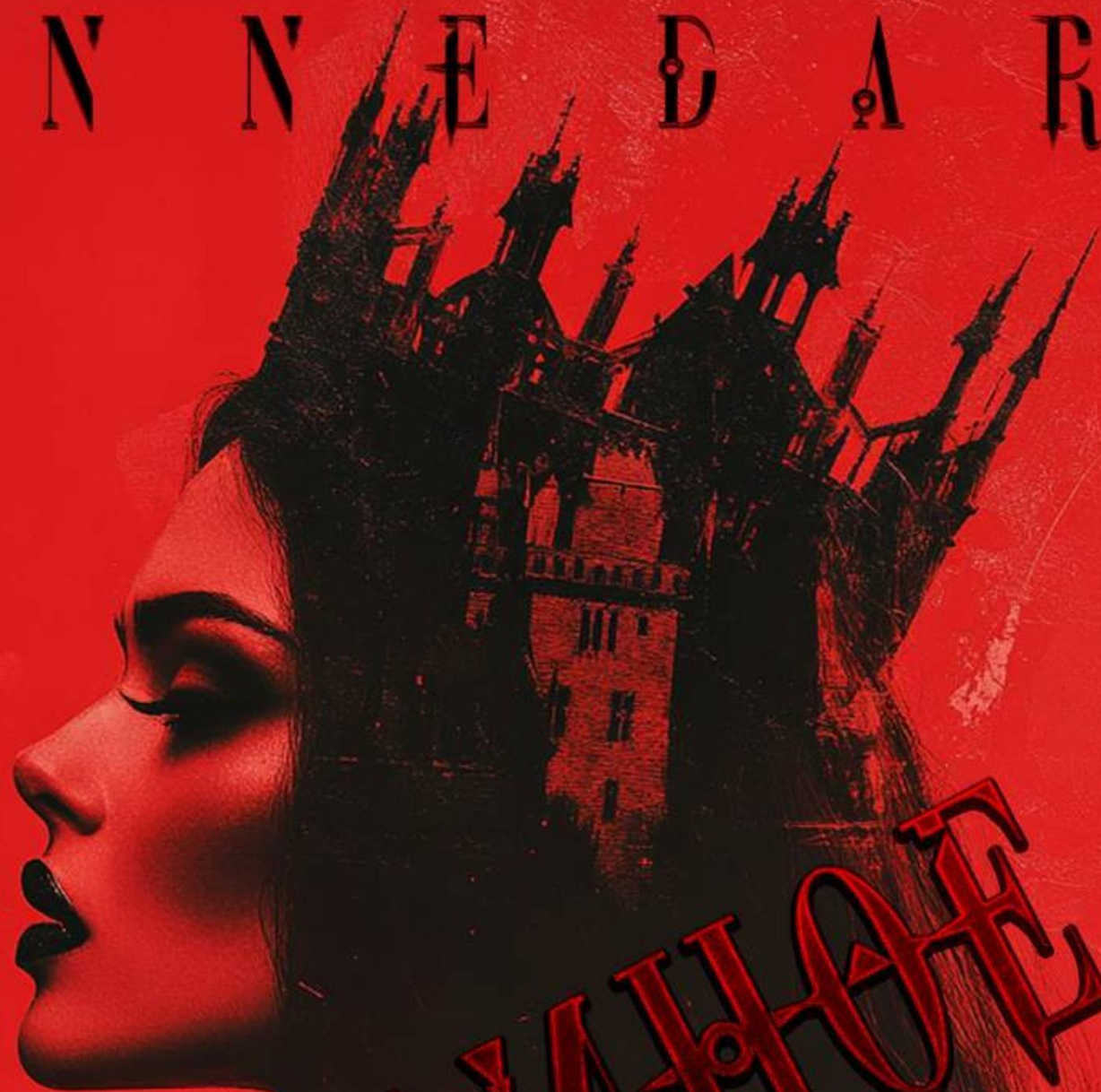

А N N E D A R

ТРЕМДЖОЕ
КОРАДОВО

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Anne Dar

Триединое Королевство

«Автор»

2026

Dar A.

Триединое Королевство / А. Dar — «Автор», 2026

Четыре части под одной обложкой! Издание включает 128 цветных иллюстраций. Аннотация: Металлическая жизнь может быть бесконечной. Однако бесконечность известна своими причудами: в какую крайность ты погрузишься, чтобы не сойти с ума от неспособного оборваться для тебя Времени? Жестокость. Страсть. Безразличие. Доминирование. Саморазрушение. Одержимость. Самоотверженность. Деспотизм. Ярость. Экстаз. В мире, в котором существуют сверхсущества – мире металлическом, разворачивающемся здесь и сейчас – власть крайних сил – неоспоримый постулат. Что бы ты-Металл ни выбрал – понятие «правильности» всегда пребудет на твоей стороне. Потому что ты самое странное, самое сложное и самое разительное существо, когда-либо порождаемое Временем – металлическое сердце в сосуде, способном на всё, кроме смирения перед одиночеством: рано или поздно – через годы или через века – твоя металлическая суть восстанет и пойдёт на всё, чтобы заполучить один из важнейших элементов смысла твоего существования...

© Dar A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	39
15.03.2095	48
ЧАСТЬ 2	50
Глава 9	50
Глава 10	58
Глава 11	62
Глава 12	70
Глава 13	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Anne Dar

Триединое Королевство

Посвящается N.

ЧАСТЬ 1

ВАМПИРАГМА

Глава 1

01.08.2094

Для меня всё началось со звонка в дверь. Ко мне не приходят гости – я позаботилась об этом. Так что звук звонка, который я никогда не слышала в этой квартире, заставил меня вздрогнуть.

Я живу на втором этаже двухэтажного дома тысяча девятьсот пятидесятого года постройки, владелице квартиры и всего дома в целом, восьмидесятилетней донне Лурдаш, выношу плату раз в месяц, самостоятельно заглядывая на первый этаж, на котором она обитает в компании трёх пятнистых кошек. Когда я заселялась в эту квартиру, донна даже не поднялась на второй этаж, чтобы показать эти пустующие тридцать восемь квадратных метров – доверчиво отдала мне старинный ключ, чтобы я без её участия всё осмотрела и решила, подходит ли мне жильё. Мне, конечно, подошло: атмосфера старого города в сумме с ненавязчивой хозяйской квартирой – отличное сочетание для того, кто ищет не просто тихое пристанище, но самое настоящее укрытие.

Звонок в дверь повторился и сразу же заставил моё горло сжаться от нервного спазма. Отпрянув от стола, я встаю на цыпочки и, не дыша, приближаюсь к двери. С откровенной опаской взглянув в дверной глазок, в следующую секунду, словно поражённая молнией, отстраняюсь назад... Странное чувство заполняет собой всё моё нутро: с одной стороны, я рада видеть лицо старого друга, но с другой, более проявленной стороны, я испугана до состояния нервной дрожи... Старый знакомый работает на своего неизменного заказчика, а значит, мне пора бежать...

Как не просто сбежать из собственного дома, но в чужую страну, желательно, расположенную не на родном тебе континенте, и провернуть этот дерзкий срыв при маленьком, но очень весомом условии – в возрасте шестнадцати лет от роду? Честно говоря, в этом деле по настоящему необходимы лишь два элемента: стремление и удача. Больше ничего. Деньги – результат первых двух комбинаций.

Иногда мне кажется, что совсем не важно, как меня назвали при рождении – важно лишь, что фамилия Роул досталась мне в момент моего зачатия. Быть названной наследницей величия сумасшедшего гения, материальное состояние которого превышает ВВП Андорры – относительное счастье. Особенно с учётом того, что ты не желающий вступать в наследство наследник, при том, что у твоего отца имеется ещё двое детей от первого брака, жаждущих любви, внимания, привилегий, власти и богатства своего родителя, которые тот совсем не стремится им предоставлять даже в малой толике.

В целом, история моей семьи запутанная, но не критически. Отец – выходец из средне-статистической андоррской семьи, первый из четырёх сыновей стандартного учителя математики и заурядного терапевта. Мои дяди бездетны, так что кузенов у меня нет, да и родственные связи по этой линии ограничены настолько, что знакомы мы только по фотографиям и редким отцовским банковским переводам в Андорру: дни рождения братьев, их свадьбы и путешествия – он иногда оплачивает забавы тех, с кем общается не чаще раза в год.

В отличие от своих братьев, мой отец оказался плодовитым не только в своих инновационных решениях и граничащих с сумасшествием идеях, реализацию которых он в полной мере развернул на территории Австралии, так ещё и в отношениях с женщинами он отличился не

одной лишь нестандартной избирательностью. Являясь одарённым острым умом человеком, изначально Гидеон Роул был обделён одним весомым фактором, отсутствие которого в его жизни откровенно тормозило продвижение его странных для этого мира идей. В общем, он был так же небогат, как амбициозен. Амбиции в итоге и помогли ему обогатиться всего за какие-то жалкие три месяца. Решение этой задачи, пожалуй, оказалось одним из простейших в его жизни, и носило оно звучное имя: Бернадита Гиббон – единственная дочь немощного старика, чьё состояние составляло сорок пять миллиардов долларов. Безусловно, Бернадита могла казаться лакомым кусочком для всех мужчин – и холостых, и хитрых, – но дело в том, что этот “кусочек”, в действительности, являл собой далеко не лакомство: насколько наследница миллиардов была наделена материальным благосостоянием, настолько же она была обделена внешними данными. Я видела её фотографии и даже одну видеозапись с её участием. Что тут скажешь... Бернадите действительно не было даровано даже намёка хотя бы на один штрих природной красоты: при высоком росте пугающе костлявая, черты лица асимметричные, грудь будто напрочь отсутствующая, нос длинный, голос низкий, смех мужеподобный, причёска испорчена химической завивкой и выцветшими бордовыми красителями... Однако Гидеону Роулу позарез необходимы были деньги, чтобы “изменить этот мир к лучшему”, так что он пересилил себя, соблазнил Бернадиту, с которой познакомился в клубе потенциальных инвесторов, и уже спустя три месяца, без примеси всякой любви, женился на засидевшейся в безбрачии, доверчивой и не наделённой острым умом простушке, к тому же старшей его на два года.

В отличие от Бернадиты, её престарелый отец совсем не торопился делиться своим сердцем и тем более кошельком с ловким незнакомцем. Поэтому, в день свадьбы Гидеона и Бернадиты, сложный старик выдвинул новобрачным условие: всё своё состояние он согласится завещать дочери и зятю только в случае, в котором в их браке родится минимум два ребёнка. В противном случае, после смерти старика всё его состояние обещалось распуститься по мировым благотворительным фондам. Зашедший уже слишком далеко Гидеон Роул – не тот, кого можно остановить какими бы то ни было условиями. Бернадита же всю свою осознанную жизнь грезил о материнстве. Так что совершенно неудивительно, что первенец в новоиспечённой семье появился спустя всего девять месяцев после свадьбы – сын. Второй ребёнок – дочь – родился почти через двенадцать месяцев после первого. Первенец соединил в своей внешности странные черты матери и отца, и в итоге вырос в того самого парня, о котором обычно говорят “притягательная в своей странности мордашка”. Но с дочерью всё вышло сложнее – девочка внешне во многом пошла в мать: ни намёка на женственность; хотя и тонкие, однако не лишённые грубости черты лица; высокая, как брат; поджарая и с грудью, впоследствии так и не дотянувшей до первого размера... Какими бы эти дети ни получились внешне и внутренне, именно они открыли Гидеону кошелёк его свёкра ровно за месяц до того, как старик, в возрасте девяноста двух лет, покинул этот мир. Однако своих “вынужденных” отпрысков, несмотря на все их заслуги, Роул в итоге так и не полюбил... Конечно, сыграл и тот факт, что свою жену он терпел только из-за богатства её отца, а так как рождённые этой женщиной дети многое в своей внешности и характерах впитали от Бернадиты, с ними у него, естественно, тоже не заладилось... Впрочем, Гидеон никогда не был злым человеком. Расчётливым – безусловно, злым – нет. Он не упрекал Бернадиту в том, что их сын не унаследовал масштабов гениального мышления отца, а их дочь получилась в профиль похожей на мальчишку даже больше, чем её брат. Он просто стал миллиардером, смирившись с таким положением в безразличной ему собственной семье, год за годом приумножал богатство свёкра, проявлял свою гениальность во всевозможных открывшихся ему сферах и направлениях – особенно в архитектуре и продвинутих технологиях, – пять лет подряд назывался человеком года в планетарном масштабе... Что дальше? Внезапная смерть Бернадиты: обвиняя мужа в нелюбви, несчастная уехала на Кубу развлекаться сразу с несколькими местными любовниками, где погибла от несчастного

случая то ли во время дневной прогулки на чужом катамаране, то ли во время ночной вечеринки на собственной яхте... Гидеон не был злым, так что он не досадовал на Бернадиту за её развлечения – ему даже было жаль её, – однако с её безвозвратным уходом из его жизни он почувствовал себя освобождённым и даже готовым к *настоящему* счастью. Семилетнего сына и шестилетнюю дочь он сразу сдал в школу-пансион, а сам спешно отправился на поиски *настоящей* любви. В итоге, спустя четыре года и двух кандидаток, Гидеон Роул по уши влюбился в необделённую красотой девушку по имени Мирая Фримен. Ему тридцать семь лет, ей лишь двадцать два года, он сказочно богат, она же бедная сирота и к тому же не подозревающая о том, что её избранник является знаменитым на весь мир миллиардером.

Гидеон покорила сердце своей новой, на сей раз *настоящей* избранницы, за всё те же три месяца. В четвёртый месяц Мирая узнала о своей незапланированной беременности и заодно об истинном материальном положении своего бойфренда, на пятый месяц этих головокружительных отношений – свадьба в Париже и миллион статей на тему того, что Гидеон Фримен делает женщин своими жёнами “сразу или никогда”. Ещё через семь месяцев, в Сиднее, на свет появляюсь я: Рея Роул – любимая дочь Гидеона Роула, рождённая от его любимой женщины. И пока дети от первого брака всё ещё забыты в пансионе, я обожаема обоими родителями... Но ровно до пяти лет. Когда мне исполняется пять, моя мать в возрасте двадцати семи лет погибает в ужасной аварии. Отец страшно страдает. Продолжает любить меня, ведь я напоминаю ему о его *настоящей* любви, но в это же время начинает возлагать на меня все имеющиеся в его запасах надежды и ожидания. Для начала запикивает меня в пансионат – не в тот, из которого уже успели выпуститься мои брат с сестрой, с которыми я даже не общалась, а в ещё более “продвинутый”. Здесь на меня надевают белоснежную форму, просвещают одновременно в ста разных направлениях, я волей-неволей постепенно становлюсь разносторонней личностью, к шестнадцати годам охреневшей от своего положения заточённой птицы, уставшей от длинных гольфов, а также перечитывания томов Спинозы и Юнга, и знающей толику о реальной жизни только по двум летним месяцам в году – короткие австралийские или же европейские каникулы в обществе высших натур.

Что дальше?..

Останавливаюсь в росте – метр шестьдесят пять – мордашка симпатичная, грудь около второго размера, желание вырваться из-под лозунга “НАСЛЕДНИК ВСЕЯ И ВСЕГО” – безмерное. Благодаря недюжинной мотивации, заканчиваю старшую школу досрочно и сразу же сообщаю отцу о том, что вместо того, чтобы моментально поступать в Кембриджский университет на заранее-заботливо избранный им факультет, хочу два года взять на то, чтобы “познать себя и разобраться в собственных желаниях”... Отец, конечно, впечатлён и, естественно, против: никаких простоев – он жаждет начать передавать мне своё дело как можно скорее! Я впервые вслух сообщаю о том, что не хочу быть его наследницей, и для усиления своей позиции припоминаю о существовании ещё двух его детей, которые уже достаточно взрослые и к тому же открыто заявляют о своём интересе к его делам и деньгам. Отец непоколебим: я и только я наследница всего, что у него есть, другим же его детям достанется лишь по одному миллиону долларов и лишь дважды – в дни их свадеб и бонусом после его ухода в мир иной. Я продолжаю упорно воротить нос от избранной для меня роли и не отступаю от попыток объяснить единственному родителю, чего на самом деле от своей жизни хочу именно я – путешествовать по миру, плавать с дельфинами, спасать черепах... Отец не согласен со мной примерно во всём и, более того, считает, что я очень наивна и чуть глуповата в силу своего возраста. В конце концов мы крупно ссоримся, но всё же отправляемся в Италию на каникулы. В первый же вечер после прилёта идём в его любимый ресторан, перед походом в который я кладу в свой рюкзак заранее приобретённый парик и заодно двадцать пять тысяч долларов – мои карманные деньги на это лето. В ресторане отец заказывает мидии в соусе том ям, а я томлёного осьминога и самовоспламеняющийся десерт – из расчёта на долгую подачу блюд. Сразу после оформления

заказа ухажу в дамскую комнату, где на зеркале оставляю отцу послание при помощи быстро найденного на дне рюкзака маркера: “Меня не украли. Я ухажу”, – вылезая через окно, попадаю на территорию соседнего ресторана, где под барной стойкой надеваю на свою безбашенную головушку непримечательный парик цвета соломы, после чего ещё одна дамская комната, ещё один прыжок в окно, за которым, наконец, следует удачно выловленное такси, которое, за дополнительную плату, со скоростью света довозит меня до автовокзала, где я приобретаю билет на ближайший автобус дальнего следования: Рим-Мадрид. Из Мадрида на поезде до Порту будто рукой подать, особенно когда половину пути спишь, а вторую половину пути питаешься недурными сэндвичами. В новом городе за наличные приобретаю новый мобильный телефон и сим-карту без привязки к паспорту, подключаю интернет, при помощи которого шесть часов ищу жильё и наконец нахожу не самое дешёвое, но как будто бы самое подходящее мне своей непримечательностью. И вот я уже снимаю скромную однокомнатную квартирку в старой части города Порту у подслеповатой старушки, которая не обращает внимания на мой возраст, потому как свои паспортные данные в договор аренды уверенно-искажённо вношу я собственной рукой. Закупившись продуктами в близстоящей фермерской лавке, двое суток не показываюсь на улице – пытаюсь отдышаться и по ускоренному курсу научиться засыпать и просыпаться без колотящегося сердца. В итоге решаюсь окончательно сменить причёску, потому что ходить в парике мне совсем не нравится. Всего за несколько часов в странном и одновременно атмосферном салоне превращаю свои густые чёрные волосы длиной до локтей в дреды с синеватым отливом, о которых всегда мечтала, с этого же дня начинаю активно пользоваться чёрным карандашом для глаз – чтобы выглядеть старше своего реального возраста, что сложно при моём относительно невысоком росте, некрупном телосложении и подростковым личике.

Проходят недели и даже месяцы, я начинаю успокаиваться... Что тут скажешь, океан благоволит душевному спокойствию. Знакомлюсь с интересными ребятами, впервые в жизни умудряюсь заработать, случайно играя на ручных барабанах в компании своих новых знакомых – уличные музыканты, – даже задумываюсь о том, чтобы попробовать подработать в пляжном баре – в конце концов, мои карманные деньги не бесконечны, так что лучше позаботиться о материальном положении заранее... В общем, всё хотя и страшно до дрожи, однако неоспоримо прекрасно. Ведь я сбежала! Успешно! И два месяца обо мне известно только то, что я пропала без вести: портреты с новостью о розыске и вознаграждении размером в пятьсот тысяч долларов дошли и до Португалии, но теперь-то я выгляжу совсем иначе, и зовут меня вовсе не Рея Роул... Всё – совсем всё! – указывало на то, что у меня получилось невозможное. И вот я повторно смотрю в дверной глазок и убеждаюсь в том, что мне не привиделась реальность: Проктор Рокбриджер стоит на пороге моего тихого убежища.

Третий раз я смотреть не стала. Мой рюкзак всё это время был собран – доказательство трезвости моего инстинкта самосохранения, доказательство моей уязвимости перед мощью внешних обстоятельств... Вот она, правда: за всё время сказочной для меня идиллии я не расслабилась на сто процентов ни разу. А значит, церберам моего отца меня не взять.

Выватив рюкзак из-под стола – деньги и документы, и больше ничего, – я резко открываю окно и, не став дожидаться выбивания двери, поспешно перелезаю через подоконник, становлюсь двумя ногами на старую железную лестницу и начинаю спускаться по ней со скоростью ужаленной белки. Именно скорость меня и подводит. Правая нога неуклюже соскальзывает, центр тяжести резко смещается, ржавая лестница не выдерживает нагрузки и со скрежетом наклоняется... Я не поняла, как полетела вниз. Не думаю, что сильно ушиблась бы – всего-то второй этаж, четверть пути я уже проскочила, – однако удар о брусчатку получился бы серьёзный... Но не получился. Меня подхватили. Я успела только ахнуть, и уже в следующую секунду, подняв глаза на своего спасителя, обмякнуть от ужаса: знакомый своей идеальностью чёрный костюм, густая каштановая борода, каштановые волосы небрежно уложены назад,

обычно грозные карие глаза по-дружески ухмыляются, сильные ручищи ставят меня на брусчатку и одновременно до боли впиваются в моё правое плечо...

– Повезло, что я знаю твои повадки, да, белка? – голос приветствует меня нотками дружеской улыбки...

За мной послали лучших из худших головорезов моего отца, своеобразную элиту его безжалостной гвардии теневых якобы телохранителей, но, как я подозреваю, тело-хоронителей: Проктор Рокбриджер и... Багтасар Райхенвальд.

Глава 2

Отец обожает тонированные чёрные ауди. Кроссоверы – его страсть. Охрана же вся посажена на спортивные модели. Сколько раз я ездила в этих спортивных ауди, пристёгнутой наручниками к потолочным поручням? Раз... Два... Три... Четвёртый, забавный случай два года назад с переломом носа одного из телохранителей... Получается, это пятый.

– У тебя какая-то страсть через окна лазить, а? – ухмыляется сидящий за рулём слева от меня Багтасар – Проктор любезно занял заднее сиденье, уступив мне переднее пассажирское. – То ты в пансионатах через окна нет-нет да сиганёшь, то в ресторанах чокнутой пташкой выпорхнешь, теперь вот из всяких блошатников...

– Вполне приличная квартира... – бубню себе под нос я, но, кажется, так тихо, что этого даже не замечают.

– Интересно, в каком возрасте от выходов через окна отучаются?

На сей раз я отзываюсь с уверенным напором:

– Когда становятся официальными преемниками своих родителей и разбирают полёты тех, кто прежде работал на их отцов. Вы ведь оба понимаете, что рано или поздно будете работать на меня?

– Ну ты же не уволишь своих старых друзей и зарплату сразу же повысишь всем достойным образом, да, бельчонок?

Багтасар привычно пытается свести разговор в грубоватый юмор – его проработанная тактика в общении со мной, но я не поддаюсь на провокацию:

– Вам и так платят больше, чем это прилично.

– К слову о приличиях, – на заднем сиденье подаёт голос Проктор: – Выходить из дома положено через дверь, а не через любое открытое отверстие. И кстати, все уже наслышаны о том, что преемницей своего отца ты быть не жаждешь.

– Так и быть, пару дней побуду, чтобы вас попереувольнять... – в этот момент всё-таки встречаюсь взглядом с Багтасаром и сразу же несдержанно, машинально отвечаю ухмылкой на его кривую улыбочку, брошенную в мой адрес.

С этим хмурым громилой я случайно подружилась в возрасте четырёх лет: на частной плантации едва не грохнулась с яблони, на которую забралась, чтобы полюбоваться то ли рассветом, то ли закатом, а он вовремя подхватил меня в полёте. С тех пор я для него белка, а он для меня хмурый дядька, который не способен улыбаться никому – ни моему отцу, ни моей тогда ещё бывшей живой матери, ни обслуживающему персоналу, ни даже собственной жене, – только мне и только в те моменты, в которые я накосячу по-крупному, то есть, по-достойному – достойному его улыбки. А так как я косячу немало, этот угрюмый гигант таки ухмыляется по несколько раз в год.

Багтасар не то что не душка, а тот ещё суровый кремень в законченной стадии. Для лучшего понимания его сути достаточно проговорить вслух его звучную неофициальную кличку: Череполом. Если честно, знать не желаю, что именно стоит за таким погонялом, но всё же мне “по верхам” известно, что оно не лирическое – буквальное. Он не просто бывший военный – был самым молодым из своих современников командиром десятитысячной дивизии, воевал в горячих точках Среднего Востока, значит, убивал людей, в последнем замесе спас целый город населением в пятьдесят тысяч человек, пожертвовав рекордно малым количеством военных, за что удостоился очередного звания, однако в возрасте тридцати трёх лет получил серьёзное ранение, после чего выбыл из военных потасовок. С тех пор значится главным телохранителем моего отца: трижды спас его жизнь от покушений, а это на целых два раза больше счёта тех героев, которые не пережили свои первые и единственные разы. В свои сорок четыре года Райхенвальд выглядит так, будто собирается жить вечно: мускулатура, как у быка, рост под два

метра, угрюмость лица скрашивают густые каштановые волосы на голове и в бороде – нет ни единого седого волоса. Для сравнения, моему отцу сейчас пятьдесят пять, так вот сесть он начал как раз в возрасте Багтасара.

Казалось бы, Череполом – не лучшее имя для семьянина, однако Багтасар каким-то образом умудрился обзавестись подобием семьи: пять лет назад женился на женщине, младшей его на десять лет, теперь вот отец четырёхлетней девчонки. Если честно, не представляю его в роли отца, да и похоже, что он сам себя в этом амплуа не представляет, потому как свою семью он видит разве что по праздникам.

С характеристикой Проктора Рокбриджера всё проще. Такой же высокий да мускулистый, как Багтасар, темноглазый и черноволосый со стрижкой под полубокс, не такой хмурый, как его напарник, я бы даже сказала, что более мягкий, что ли – в дуэте “плохой коп – добрый коп” он точно второй, – младше Багтасара на два с лишним года, по семейному статусу “одинокый волк”. Знаю, что в его жизни присутствовали как минимум три женщины: с двумя первыми он пробыл в отношениях по семь лет или около того, на третьей, с которой продержался целых девять лет, собирался жениться, но помолвка расторглась по причине женской пьяной измены. То есть, по жизни склонен к серьёзным отношениям, к которым Багтасар едва дотащил себя к своим сорока годам. Однако наш одинокый волк Проктор к своим сорока двум годам каким-то образом умудрился остаться одиночкой, не став никаким призрачным отцом какой-нибудь четырёхлетки, которую с непониманием статуса своего родительства разглядывает только по видеозвонкам и-то лишь из необходимости созваниваться с фантомной женой раз в неделю – камень в огород Багтасара.

Мы едем в направлении нового аэропорта Порту, открытого в 2082-м году: точно знаю год открытия, потому что именно в тот год мне были “те самые” четыре года – утром с родителями присутствовала на открытии аэропорта, главным спонсором строительства которого являлся мой отец, а вечером – всё-таки это был закат, – я уже падала в лапищи Багтасара с надкушенным яблоком в ладошке. До аэропорта ещё далеко – не меньше пятнадцати миль, – мы уже на границе города... Пока стоим на красном свете светофора, я размышляю о том, как моя судьба может сложиться дальше, и уже намечаю новый план побега – после первой и к тому же относительно успешной попытки, подозреваю, я подсяду на это дело и остановиться мне будет ой как сложно, если не невозможно, – а Проктор вдруг замечает здание популярного фастфуда.

– Мы никуда не опаздываем, – подаёт с заднего сиденья голос Волкодав (вот и припомнила его кличку). – Как насчёт перекуса?

Я бросаю взгляд в окно и тоже замечаю здание забегаловки. Пусть и фастфуд, всё равно вкусный как незнамо что... Через чуть приоткрытое заднее окно до моего обоняния вдруг долетает знакомый аромат, витающий только вокруг сети этого бренда фастфуда: желудок непроизвольно откликается громким урчанием – вот ведь! Не успела позавтракать бутербродами. Ничего, кроме тостов с чаем и бутербродов, я так и не научилась готовить, так что всегда завтракала почти всухомятку, а прочие приёмы пищи переносила в кафетерии: выпечка в Португалии преступно вкусная, меня от набора лишних кило в этой стране спасали только мой подростковый метаболизм и, может, чуть-чуть генетика.

То ли Багтасар тоже оказался голодным, то ли неспроста он ухмыльнулся в тон урчанию моего живота, однако в сторону забегаловки водитель свернул решительно.

С парковкой на редкость повезло: свободные места прямо напротив панорамной витрины заведения.

Стоит нам припарковаться, как, не дожидаясь лишних поводов для старта, самый голодный из нас хлопает задней дверцей и уверенным шагом направляется в сторону рассадника привлекательных ароматов.

– Вы ведь заостенелые спортсмены, – хмыкаю я, не глядя на совсем не торопящегося за своим напарником Багтасара.

– Отработаем в спортзале, когда доставим тебя “на базу”, – вояка до мозга костей. – Тебе что взять?

Я не отвечаю. Естественно! И тогда вояка с волшебством джина превращается в недоделанного оракула:

– Кажется, я припоминаю, что ты любишь: двойной чизбургер с колой, минимум льда и побольше горчицы. – В ответ я только вздыхаю, и мои плечи капитулирующе опускаются. – Не благодари за мой телепатический навык. И не дуйся так. Это наша работа. Если бы мы не поймали тебя, твой отец вздёрнул бы нас. Тогда бы ты была посчастливее сейчас, м?

– Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, – откидываю голову назад и закатываю глаза так, как положено человеку моего возраста.

– Хорошо, а то я чуть не подумал, что ты уже успела вычеркнуть меня из друзей.

– Сложно дружить с тем, кто работает в команде лишаящего тебя свободы тирана.

– Тебе шестнадцать. Будет восемнадцать, тогда и поговорим.

– И что тогда? Уволишься, но не пойдёшь ловить меня? – заинтригованно приподнимаю одну бровь я и наконец смотрю на собеседника.

– А почему бы и нет? Я уже заработал достаточно: на две безбедные жизни хватит.

– Пенсия не про тебя.

– Буду разносить газеты.

Я всё-таки не выдерживаю и плююсь смешком:

– Может, станешь перебежчиком и начнёшь укрывать меня от моего отца?

– У тебя денег не хватит, чтобы оплатить такую услугу.

Он уходит, громко хлопнув автоматически заблокировавшейся дверью... Да уж, скорее этот непробиваемый амбал вернёт из небытия профессию разносчика газет, чем станет перебежчиком. Немного жаль... Такого бы себе в охрану, и можно было бы спокойно жить прямо под носом противника – никто бы даже не заметил, а если бы и заметил, так ничего бы и сделать не смог, ибо целостность своего черепа у людей неизменно превышает целостности желания поймать кого бы то ни было.

Бардачок оказался предсказуемо пустым, как и мои карманы... Можно было бы вытащить из дредов декоративные кольца, попытаться погнуть их, каким-то образом выпрямить, попробовать вставить вместо ключа, чтобы наручники посмеялись хотя бы с этой жалкой попытки... Я думала об этом, когда увидела впереди, чуть правее своей комфортабельной клетки, высокого и очень худого чернокожего парня, странно ведущего себя посреди парковки: он махал руками и раскачивался, будто находясь под кайфом... Да, я сразу же подумала на наркотическое одурение, но стоило “наркоману” резко повернуться в моём направлении, как я увидела его глаза и поняла, что здесь что-то посерьёзнее... Может, какая-то болезнь сделала радужки его глаз “мёртвыми”, словно... Словно у дохлой рыбы. Я не успела размотать клубок этой мысли, как вдруг парень бросился за девушкой, с экстремальной скоростью проехавшей мимо него на электронном самокате... В моём сознании увиденное всё ещё не имело никакого логического объяснения, но это уже было неважно, потому что в следующий момент в боковое окно что-то врзалось. От испуга подпрыгнув на месте и развернувшись всем телом, я увидела красивую блондинку: она истерически стучала обеими ладонями в моё окно.

– Откройте! Пожалуйста! Умоляю! Откройте же!..

Явно пребывающая в состоянии паники незнакомка надрывно рыдала... Я сразу поняла, что она пытается от кого-то сбежать, но кто её так напугал – не смогла даже предположить...

Я поспешила открыть перед ней дверь, чтобы помочь сама не зная чем и зачем, но я оказалась железобетонно заблокированной, так что дверь не поддавалась на мои уговоры. Именно это меня и спасло.

В момент, в который я уже хотела начать говорить с паникующей девушкой, на неё кто-то напал сзади... Алая жидкость из её артерии бордовым потоком брызнула на окно... Заваливаясь на бок и продолжая жутко кричать, девушка растерла ладонью по стеклу собственную кровь... На неё напало не животное – человек! Это был белокожий мужчина средних лет в голубой офисной рубашке – он вгрызся в шею истерически вопящей девушки!

...Звон в ушах... Откуда он взялся?.. Этот человек... Звон...

...Шок...

Люди с криками бегут по парковке и забегают в забегаловку, в которой стоят Багтасар и Проктор... Вот же они – по ту сторону стекла, всего в десяти метрах от меня!..

Я вижу, как вперемишку с испуганной толпой в здание забегают *ненормальные* люди, нападающие на *нормальных* людей и вгрызающиеся в их тела, словно в мягкий хлеб... Проктор и Багтасар всё ещё не обращают внимания на панику возле входа...

Я худенькая... То есть, мне было легко перепрыгнуть с пассажирского сиденья на место водителя... Но ноги коротковаты... Рука едва не отрывается... Похер!.. Включить зажигание... Не успеваю... Давка в кафетерии уже началась! Безумный мужчина уже рядом с Багтасаром, который этого напрочь не замечает, отвлекшись в другую сторону... Да его же сейчас загрызут, а он даже не заметит этого!

Педаль газа в пол до упора!..

Машина с душераздирающим визгом шин срывается с места и, прежде чем я успеваю испугаться, въезжает прямо в витрину, безжалостно расшибая её на миллион звонких осколков... В последний момент я успеваю вывернуть руль таким образом, чтобы проехать не по своим парням – всего в сантиметре от них... Безумный мужчина, бывший в одном рывке от Багтасара, оказывается на капоте, который с жутким грохотом пробивает своей головой, но... Но должный быть смертоносным удар будто лишь злит его и даже усиливает – боль не привела в сознание безумца, а словно подпитала мощь его агрессии! Однако он не может отпрыгнуть от капота – я прибила его тело бампером к барной стойке!

Из оцепенения меня выводит внезапно открывшаяся дверь слева: Багтасар! Я едва успеваю перепрыгнуть на пассажирское место – Райхенвальд в одну секунду чуть не раздавливает меня своей массой!.. Проктор хлопает задней дверцей...

– Что это?! Что это?! Что?! – не понимая, во всё горло кричу я, наблюдая за тем, как в разбитом кафетерии свихнувшиеся люди пожирают паникующих людей, будто перепутав значения блюд в меню...

Багтасар врезается в меня не менее шокированным взглядом:

– Ты спасла меня...

– Нужно вытащить его! – внезапно выпаливает позади меня Проктор.

– Кого?! – не понимаю я, думая, что речь идёт о ком-то оставленном в кафетерии, из которого мы поспешно выезжаем задом наперёд...

– Пэра Гриммарка! – неожиданно произносит отдалённо знакомое мне имя Проктор. – Твой отец приказал доставить к нему грёбаного архитектора вместе с тобой.

Пэр Гриммарк – главный архитектор Дворца Вамп. Но... Дворец давно достроен. Зачем же тогда моему отцу вдруг понадобился Гриммарк?..

Глава 3

В новой части города Порту просторнее, нежели в старом городе: широкие улицы, большие площади, продуманная архитектура и инфраструктура. То есть, разогнаться здесь не проблема – проблема после оплатить штрафы за нарушение всех возможных и невозможных правил безопасного дорожного движения. Багтасар отличный водитель, однако, честно говоря, смотря на его габариты, я всегда считала его немного неповоротливым. Но не сегодня. Сегодня он управляет автомобилем так, словно родился с рулём в руках.

Обстановка в городе контрастная: на одних улицах паника цветёт буйным цветом, на других до людей ещё не дошла информация о том, что сегодня всеобщий комфортный мир рухнул раз и навсегда... Если честно, даже до меня пока ещё не до конца дошло осознание масштабов происходящего ужаса, его бесповоротность и наша беззащитность перед этой мощью.

Багтасар настолько резко тормозит на просторной и совершенно пустующей улице новой части города, что я едва не врезаюсь лбом в приборную панель – спас своевременно сработавший ремень безопасности. Бросив взгляд в боковое окно, забрызганное кровью незнакомки с парковки, я вижу элитный таунхаус – мы остановились прямо на обочине, впритык к его крайней правой части.

– Какая у Гриммарков квартира? – нервно интересуется сидящий позади меня Проктор.

– Двадцатая... Крайняя, – Багтасар тычет пальцем мимо меня. – Оба этажа принадлежат Гриммаркам, значит, можем заходить с парадной... – в этот момент громила встречается со мной взглядом и осекается. Неожиданно достав из нагрудного кармана своего идеального пиджака небольшой серебристый ключик, он ещё более неожиданно расстёгивает мои наручники: – Ты ведь не сбежишь?

– Издеваешься?..

– Отлично. Оставайся в машине, на подстраховке...

Он не успел договорить – стоило задней двери хлопнуть, как я последовала примеру Проктора и поспешила покинуть авто:

– Ни за что! Я с вами...

Не сомневаюсь: Багтасар сразу же пожалел о том, что отпустил меня. Однако поделаться с этим уже ничего нельзя – я не собираюсь торчать в машине, пока две из двух моих гарантий на толковую защиту разгуливают где ни попадя...

Остановившись напротив входа в дом, Проктор достаёт своё табельное оружие, и я слышу, как идущий позади меня Багтасар щёлкает затвором своего пистолета. Я не сразу замечаю причину их резкой реакции: входная дверь едва заметно приоткрыта, что, несомненно, не может не вызывать подозрений...

– Вернись-ка в машину, – за моей спиной, почти на самое ухо, сквозь зубы рычит Багтасар.

По моему телу разбегаются произвольные мурашки, но я не воспринимаю их за внушительный повод для подчинения:

– Я с вами, – сквозь зубы цежу в ответ я и уже спустя минуту откровенно сожалею о своей упёртости.

Стоит Проктору широко распахнуть дверь, как мы сразу понимаем, что зараза добралась до этого места: брызги крови на одной стене и на паркете коридора...

Долго искать источник хаоса не пришлось: коридор оказался коротким, переходящим в уютную гостиную. Здесь мы их и нашли... Гриммарки, муж с женой: он лежит на ней, под ними – огромная бордовая лужа из общей крови, пропитавшая мягкий кремовый ковёр. Я не сдерживаюсь и закрываю нос ладонью, чтобы не чувствовать гнетущий запах крови, душащий

своей тяжестью. Багтасар опускает своё оружие, а Проктор подходит к трупам вплотную и, присев на корточки, немного проясняет жуткую картину:

– Похоже, он перегрыз её аорту, а она, в попытке защититься, в последний момент воткнула в его сердце кухонный нож...

Зрелище ужасающее. Никогда прежде я не видела трупов, а этих... Этих людей я знала: Пэр и Ашли Гриммарк были интересными людьми, жаль только, что ввиду своего возраста я не понимала их гениальности...

Мой взгляд вдруг цепляется за фотографию, стоящую на консольном столике. На ней запечатлена счастливая семья: белокожий шатен Пэр, смуглокожая брюнетка Ашли и такая же смуглокожая, черноволосая и пухленькая девочка... Точно! У них была дочь.

– Пора уходить, – чеканит Багтасар. – Проктор, пошли...

– Подождите, – я подхожу к столику, беру фоторамку и быстро вынимаю из неё фото, будто его сохранность может оказаться важной. – У них есть ребёнок.

– Точно, – хмыкает Проктор. – У Пэра была дочь...

– Плевать, – отрезает Багтасар. – Уходим. Быстро.

– Нет, нужно проверить.

Плохой коп – добрый коп – я правильно определила их ролевые модели. И всё же, для меня эта ситуация кажется до крайности странной: Багтасар отец, а не Проктор, и всё же именно Багтасар решает уходить, в то время как Проктор выбирает проверить.

Проктор быстрым шагом направляется на второй этаж, я сразу же следую за ним, и в результате Багтасар не остаётся в стороне. Мы сразу находим детскую комнату – просторная, выполненная в розовых тонах, она кажется пустой. Проктор падает на колени в попытке проверить пространство под кроватью, я же наугад открываю деревянный платяной шкаф белого цвета и – бинго! – сразу же нахожу искомое. И даже не одно... Две девочки вместо одной – обе пухленькие и на первый взгляд одного возраста, но на этом сходности заканчиваются: дочь Пэра и Ашли смугленькая, с большими чёрными глазами и с двумя густыми, длинными чёрными косами; вторая же девочка заметно плотнее, кожа бледная, узковатый разрез глаз выдаёт метиску с азиатскими корнями, чёрные волосы подстрижены под каре...

– Они здесь, – сообщаю своим охранникам я.

– Они? – позади меня возникает Багтасар.

– Не бойтесь... – начинаю я, но меня сразу же перебивает дочь Пэра и Ашли.

– Мама испуганно сказала сидеть нам в шкафу, а потом на первом этаже начали раздаваться страшные звуки, как будто в дом ворвался большой зверь...

– Монстр, – уверенно встряла вторая девочка.

– С мамой и папой всё в порядке? – голос дочери Пэра дрожит, она почти плачет. – Я знаю вас, – она внезапно выбрала своей мишенью не меня или Проктора, а Багтасара. – Папа работал с тем человеком, на которого работаете вы...

Я вступаю в эту жуткую игру:

– Этот человек, на которого работал, то есть... Работает твой отец и Багтасар, он мой отец, и он послал нас за вами, девочки, чтобы доставить вас в безопасное место.

– Но мама сказала нам не вылезать из шкафа...

– Как вас зовут? И сколько вам лет?

Заговорила вторая девочка, в голосе которой звучит больше уверенности:

– Я Отталия, – переведя указательный палец со своей груди, в следующую секунду девочка указала пальцем на дочь Пэра. – А её зовут Тофа. Наши папы – родные братья, так что мы кузины. Я старшая, мне уже один месяц как шесть лет. А Тофе исполнится шесть только через три месяца. Мои родители улетели в путешествие в Китай, чтобы навестить маминых родителей, и я осталась здесь на одну недельку. Папа с мамой должны будут приехать за мной через пять дней.

Очевидно, её родители не придут...

Только я решила, что мы более-менее нашли опору, от которой можно отталкиваться в дальнейшее движение, как в коридоре на втором этаже – совсем близко! – резко начинают раздаваться пугающие звуки: будто кто-то громко чавкает и одновременно шипит через больное горло.

Я успела только резко захлопнуть шкаф перед испуганно округлившимися глазами детей, и в следующую секунду окончательно пожалела о том, что не послушалась Багтасара и не осталась в машине; не послушалась Багтасара и пошла на второй этаж вслед за Проктором: смысл спасать кого-то, если не можешь спасти самого себя?! Сдохнуть на глазах тех, кого порывался спасти – тот ещё героизм!

В комнату ворвалась Ашли, мать Тофы. Вернее, то, что от неё осталось: аорта перегрызена, голова неестественно кренится влево, глаза затуманены серой пеленой, изо рта вытекает поток крови... Она двигается, как поломанная кукла, до момента, пока не определяется с целью – с этого момента её движения стремительны и смертоносно решительны.

Она бросилась на меня. Я отскочила назад, но сразу же врезалась спиной в стену. Если бы Багтасар не оттащил её от меня голыми руками, меня бы не стало именно в этот момент. Но Багтасар смог. И... Подставившись под удар ради меня, моментально получил отдачу... Безумная бросилась на него... Проктор начал стрелять в опасной близости к Багтасару... Существо кинулось на стреляющего – пули будто не наносили ей вреда! быть может, стоило стрелять в голову?! – и прежде чем Багтасар успел произвести первый выстрел, Оно врезалось в Проктора всей своей массой. Проктор стоял спиной к открытому окну... Он вывалился в него прежде чем я успела осознать эту опасность... **ПРОКТОР ВЫВАЛИЛСЯ В ОКНО!!!**

Багтасар начал стрелять в оставшегося стоящим у окна монстра, но тому было плевать на пули... Оно набросилось на Багтасара с нечеловеческой силой – человеческой не хватило бы, чтобы повалить эту могучую гору мышц на пол. Завалившись на спину, Багтасар начал удерживать монстра голыми руками, но против него выступала ненормальная сила... Зубы чудовища клацали в сантиметре от шеи Райхенвальда – ещё пара секунд, ещё пара сантиметров, и Багтасара или загрызут до смерти, или обратят в безумие, и тогда... Конец.

Я вовремя увидела валяющийся на полу пистолет – Проктор выронил, когда вылетал в окно... Я схватил его и вместо того, чтобы стрелять в туловище... Выстрелила в голову Ашли... Нет, не Ашли... Монстра... В голову Монстра... Это сработало... Точно сработало, потому что её мозги, куски черепа и кровь – очень много брызг крови! целый фейерверк! – оставили мгновенный рисунок на стене с цветочным принтом...

Багтасар сбросил с себя обездвиженное и наполовину лишённое головы тело и, резко поднявшись, впился в меня ошарашенным взглядом:

– Ты спасла меня. Во второй раз.

– Я... Я... Она... Я её... Того?.. – я так и не смогла выдавить из себя фразу “я убила её”.

В ответ Багтасар лишь уверенно кивнул головой, и я вдруг отчего-то обратила внимание на состояние его растрепавшихся каштановых волос...

– Проктор! – я резко, не выпуская из рук пистолет, бросаюсь к окну.

Перегнувшись через край окна, вижу Проктора: он упал ровно на крышу нашего ауди и сейчас явно в помятом состоянии слезает на тротуар...

– Жив! – ахаю я. – Он жив! И самостоятельно двигается, значит, серьёзно не ранен!

– Автомобиль вдребезги, – сквозь зубы цедит Багтасар, пока я наблюдаю за тем, как Проктор сгибается и разгибается, явно проверяя на целостность свои кости. Они целы! Его кости! Значит, всё не так плохо... Подумаешь, автомобиль... А как мы теперь доберёмся до аэропорта?!

Обернувшись через плечо, я вижу Багтасара подходящим к шкафу. В этот момент я вовремя сориентировалась, иначе... Таких психологических травм не пожелаешь даже злей-

шему врагу. Стоит Багтасару распахнуть шкаф, как я сразу же отталкиваю громилу в сторону и, схватив с вешалок пару шёлковых детских платьиц, обматываю ими головы обеих громко рыдающих девочек. Кивнув на ту, что определённо весит побольше – на Отталию, – я как бы даю добро забрать её. Багтасар хватает её без проблем, будто её внушительный вес для него представляется каким-то пухом. Я подхватываю Тофу и сразу же сгибаюсь... Я, блин, худая, как та тростинка – куда ветер подует, туда и зашатаюсь, – а Тофа не из мелкогабаритных... И всё же я смогла. Да, всё в порядке. Я взяла её на руки и потащила вслед за Багтасаром и Отталией. Мы бежали... И, кажется, я только благодаря какому-то чуду не споткнулась на лестнице и не полетела вниз вместе с этим ребёнком... Не знаю, на каком адреналине я в итоге смогла вытянуть эту девочку на себе, но стоило мне только ступить с крыльца на газон, как мои ноги подогнулись и я всё-таки выпустила из рук сотрясающуюся от горького плача девочку. Багтасар опустил рядом с ней и свою ношу... Платья с голов детей спали, открыв их покрасневшие от слёз глаза, и в этот момент рядом с нами материализовался Проктор.

– Мы без машины... На этой улице ни одной припаркованной.

– Эй, – Багтасар вдруг приседает на корточки напротив Тофы, при этом даже не подумав спрятать угрожающего вида пистолет. – У твоих родителей имеется автомобиль?

Тофа указывает своей пухлой ручкой в сторону небольшой пристройки, стоящей впри-
тык к дому, и сидящая рядом с ней на газоне Отталия вдруг во всю мощь своего детского горла
начинает реветь. Если бы эта девчонка так не орала, быть может, я бы никогда и не задума-
лась о том, а не прав ли был Багтасар в своём нежелании подниматься на второй этаж этого
треклятого дома...

Глава 4

Автомобилем Гриммарка оказался мини-купер. Не знаю, чем можно объяснить наличие такой тачки у не страдающего финансовыми трудностями гения. Ничем! И, главное, даже неизвестно, что хуже: та теснота, в которой мы оказались, или та мизерная “максимальная” скорость, которую мы способны выдавить из этой консервной банки! Тяжелее всего, конечно, приходится Багтасару и Проктору: они вообще едва влезли в это смешное пространство со своими несмешными габаритами – головы подпирают потолки, в результате чего безжалостно гнутся шеи! Багтасар управляет автомобилем на каком-то собственном автомате... За моей спиной стоит назойливый рёв двух детей, вынужденных вытирать своими соплями окно, к которому прижаты, потому что Проктор занимает своим телом едва ли не всё доступное сзади пространство... Честное слово, нас в таком положении может спокойно сбить пролетающий мимо жук, и мы без лишних вопросов превратимся в одну сплюсненную лепёшку на бампере жучьего корпуса!..

Стараясь не рычать от доводящего до мигрени детского вопля, смешанного с нецензурной бранью Проктора и нечленоразборчивыми ругательствами (кажется, на немецком языке) от Багтасара, я через свой мобильный телефон выхожу в интернет и сразу же нахожу интересные меня новости. Читаю громко, чтобы досталось всем:

– Сталь! Этот трэш назван Сталью! Слышите?! Заражённых обозначают Блуждающими! Заражение передаётся не через кровь, – я кошусь взглядом на Багтасара, щедро покрытого свежими пятнами крови матери Тофы. – Вроде как... Эта информация пока ещё не проверена... Но укусы точно заразны...

– Сталь накрыла только Португалию? – на заднем сиденье рычит откровенно помятый Проктор.

– Нет... Похоже, что нет... – с неприкрытым ужасом в голосе отзываюсь я. – Похожие новости из Испании, Франции, Германии... Вот заголовок свежей статьи: “Вспышка Стали накрыла собой всю Европу – помешательство массовое”...

– Шлагбаум! – предупреждает Проктор... Мы уже почти въехали на территорию аэропорта...

Багтасар проигнорировал и предупреждение Волкодава, и шлагбаум. Положа руку на сердце – не самое страшное правонарушение, совершённое нами за последний час жизни. Едва ли кто-то заметит, а если и заметит, что ж, богатство моего отца решало и более сложные задачи, нежели прикрытие трёх горящих задниц. То есть, пяти... Дети, наконец, заткнулись, поэтому и забыла посчитать их попки.

Очевидно, спешный вылет из Европы сейчас настолько актуален, что актуальность эту можно даже окрестить последним пискom моды – самолёты один за другим, безостановочной вереницей поднимаются в небо, местами даже забыв о безопасных дистанциях: два боинга стартовали в неадекватной близости друг к другу...

У нас мелкогабаритный частный самолёт. То есть, взлёт может быть быстрым, если только доберёмся до цели...

При других обстоятельствах заезд на территорию аэропорта, да ещё и с пересечением взлётной полосы, мог бы стоить многого и самому Гидеону Роулу, но уже накрывший даже аэропорт хаос сейчас настолько очевиден, что не нарушить все правила в этот момент для нас было бы более рискованно, нежели любой другой вариант.

Конечно, все мы в глубине души надеялись на то, что сможем подъехать к нашему самолёту вплотную, но не всем надеждам предначертано сбываться: тупик из стены в виде сцеплённой вереницы грузовых служебных машин аэропорта не объехать, а наш чёрный крылан вот он, всего в каких-то ста, ну может быть в двухстах метрах прямо перед нами! Через щель, сквозь

которую смог бы протиснуться мотоцикл, но не мини-купер, я вижу не только наш самолёт, но и бегущих по бетонной площади людей... Не так уж много, то есть, меньше, чем в городе, и совершенно непонятно, заражены ли они или просто паникующие...

– Неизбежно, – цедит сквозь зубы Проктор. – Придётся бежать.

Багтасар бросает на меня грозный взгляд:

– Ты! Бежишь впереди меня, чтобы я тебя видел! И без выкидонов! Понятно тебе?!

Я напугана всем происходящим и давлена тоном громилы настолько, что нахожу в себе силы лишь на то, чтобы несколько раз активно кивнуть головой: понятнее некуда!

Мы выныриваем из автомобиля одновременно и сразу же перестраиваемся: Проктор берёт за руку Тофу – он только недавно выпал со второго этажа, так что выбрал для себя вес поменьше, – Багтасар хватается Отталию... Дети перепуганы настолько, что окончательно забывают плакать. Проктор направляется в щель между прицепами первым, я, пару секунд подождав Багтасара, замешкавшегося с Отталией, следуя за ним. Проктор не спешил брать девочку на руки – очевидно, падение из окна всё же было не из лёгких, – поэтому удар в итоге приходится не на ребёнка, а прямо в его грудь: стоит ему шагнуть из щели на площадь, как в него кто-то врежется! И сразу же беспомощно падает, словно от столкновения не с человеческой грудью, а с железобетонной стеной. От страха я замираю на границе щели и наблюдаю... Две красивые молодые кудрявые блондинки с желтоватым отливом волос – длинноволосая стоит на своих двух, а та, что с коротким каре, врезалась в Проктора и теперь валяется на бетоне с широко распахнутыми от испуга, зелёными глазами... У обоих за плечами тяжёлые рюкзаки – туристки?... Очевидно, они бежали как раз в эту щель, из которой выбегаем мы, то есть... Позади них опасность?..

В реальность нас возвращает Багтасар. Грубой силой протолкнув меня вперёд, он не останавливается с Отталией на руках и кричит:

– До самолёта необходимо добраться! Ну же!

Мы с Проктором одновременно сдвигаемся с места, Проктор уже хочет взять на руки Тофу, но когда наклоняется, в его предплечье неожиданно вцепляется протаранившая его девушка:

– У вас есть самолёт?! – её красивый голос звенит паническими нотами. – Умоляю, возьмите меня с сестрой! Пожалуйста...

Багтасар резко останавливается и, обернувшись на фоне бегущей толпы, кричит Проктору:

– Это не наша задача! Брось!

Проктор выдаёт неожиданное:

– Места хватит!.. – и в следующую секунду обращается к девушке. – Следуйте за нами и не отставайте!

Девушка пытается резко встать, и в этот же момент выясняется фатальное – она подвернула ногу! Багтасар, наблюдающий за всей этой картиной со стороны, громко выругивается нецензурной бранью и возвращается к нам. Я думала, что Проктор плюнет, или что Багтасар заставит его плюнуть, но всё пошло совсем по неожиданному сценарию. Багтасар подхватил во вторую руку Тофу и первым повторно ринулся к самолёту – ничего себе силища! Длинноволосая блондинка, способная бежать, сразу же бросилась за ним вслед, будто напрочь забыв о своей сестре... Я побежала за ней, через плечо оборачиваясь и наблюдая за тем, как Проктор поднимает из-под своих ног немощную и устремляется с ней на руках за нами, но... Но не так быстро, как хотелось бы... Его здорово прибило падение из окна – это заметно по плавности его движений! Не думала, что подумаю так, но в этот момент подумала: “Багтасар же прав! Сдалось ему спасти всех, кого ни попадя... Сам же погибает, а тащит!”

В толпе паникующих были заражённые. Я их заметила почти сразу... Добраться к самолёту не через толпу – невозможно. Для достижения цели необходимо было нырять в хаос. И мы

нырнули... Багтасар неестественно удачлив. Иначе я не знаю, как объяснить тот факт, что он с таким недюжинным весом на руках сумел добраться до трапа самолёта не только первым, но и ни разу не задетым... Меня едва не задавили: сначала толкнула в плечо пробежавшая мимо женщина – не устояв на ногах, я завалилась на бок, после чего меня едва не затоптал громадный парень... Перевернувшись на живот, я увидела Проктора... Толпа рассеивалась, но... На него двигались другие ребята – заражённые... Толпа убегала от них, и Проктор с девушкой на руках были первыми на съедение – всего двадцать метров, не больше... Он споткнулся... И выронил девчонку из рук... Я не могла ему помочь. Честно, не могла... Вскочив, побежала в сторону самолёта, но... Вдруг вспомнила: его пистолет всё ещё у меня в рюкзаке! Вытащила, обернулась... Сразу двое уже за спиной Проктора! Я не умею стрелять, но... Я попала... Снова... И ещё раз... Три раза... Не в голову, но этого хватило, чтобы Проктор успел подняться и... Дурак! Не побежал! Снова обеими руками ухватился за девчонку!.. Пули в моём пистолете закончились, но выбросить его мне не хватило духу – бежала и держалась за него, словно за спасательный круг... Я уже не знала, спасся ли Проктор – я отстрелила только трёх Блуждающих, но за тремя следовала вереница таких же... Когда мои руки коснулись перил трапа, я поняла, что мои колени трясутся от ужаса... На середине трапа я обернулась и увидела Проктора... Совсем рядом, уже одной ногой на трапе, но... Но!.. Толпа Блуждающих уже почти касается его спины...

Выстрел прозвучал над моей головой – пуля пролетела в считанных сантиметрах от моего левого виска. Продолжая бежать и резко подняв голову, я увидела стреляющего: Багтасар! Только забежав внутрь салона, я позволила себе обернуться и увидела, что у Багтасара получилось: серией выстрелов он снял ближайших к Проктору Блуждающих, а тот дурак... Он всё ещё бежит с девчонкой на руках... Весь в крови... Ранен?! Или кровь подстреленных?!

Он смог! Он залетел в салон пульей... Но за собой привёл хвост из толпы заражённых, которая заполонила собой всё пространство на трапе и внизу, у самого самолёта...

Багтасар продолжал стрелять из своего захлёбывающегося огнём пистолета, пока я, крича, закрывала неподдающуюся, ужасно тяжёлую дверь... В последнюю секунду мне помог Проктор – он бросил шокированную девушку на пол и, развернувшись, поднажал на рычаг, дающий мне с титаническим усилием... Мы закрыли дверь, и в эту же секунду к моим ногам вдруг рухнула человеческая кисть: мы отрубили кому-то руку! Женскую... Она женская! На кисти золотой браслетик с кулоном в виде разноцветного петушка, на окровавленных пальцах золотые кольца с белыми камнями... Я в крови! Я вся в крови! Не в своей... В чьей-то... Совсем как... Как Багтасар и как Проктор! Даже на лице... Видимо, попало, когда Багтасар стрелял в головы последних... Это...

...Это...

...Заразно?

Мы теперь тоже станем... Блуждающими?..

Глава 5

Все самолёты моего отца – беспилотники. То есть, самоуправляемые. Нужно задать лишь маршрут: железная птица сама совершит взлёт, перелёт и посадку. Это нас и спасло. Потому как пилотных навыков ни у кого среди нас в арсенале не оказалось, хотя то, как себя вёл в кабине пилота Багтасар, натолкнуло меня на мысль о том, что один из нас может недоговаривать о своих навыках.

Блуждающие везде: аэропорт трещит по швам от их наплыва, взлётная полоса почернела от количества выбежавших на неё людей – и заражённых, и спасающихся бегством... Мы небезосновательно переживаем за обшивку самолёта – трап всё ещё не убран! – и за целостность шасси... Необходимо стартовать! Срочно!

Багтасар и Проктор отправили меня в пассажирский салон, а сами закрылись в пилотной кабине. Этот самолёт – один из самых малогабаритных в коллекции моего отца: кабина пилота на две персоны, пассажирский салон на десять персон, одна спальная комната с двухместной кроватью и душем, плюс бар – вот и всё пространство. И всё же... Нас здесь семеро, а могло поместиться вдвое больше, могло бы поместиться даже в семь раз больше, если размещать людей стоя... С другой стороны: всё ещё остаётся актуальным шанс не спастись никому. И вот уже семь спасшихся душ – это очень-очень (семь раз “очень!”) много.

Рухнув в одиночное кресло слева по коридору от входа, так, чтобы находиться лицом к кабине пилота, я встречаюсь беспокойным взглядом с испуганными девушками, сидящими в парном кресле чуть впереди... Теперь я не сомневаюсь в том, что они сёстры: слишком уж схожие черты лица, однотипные. Взглянув на сидящих напротив них Тофу с Отталией, я нахожу в себе силы заговорить:

– Пристегнитесь. Но сначала... Пристегните детей и... Закройте окна иллюминаторов...

Они послушно выполнили все инструкции, меня жехватило только на пристёгивание ремня дрожащими руками. Выглянув в иллюминатор перед его закрытием, я так и не смогла заставить себя оторвать взгляд от ужаса, разверзшегося всего в нескольких метрах под нами... Как много людей... Не все из них заражены... Неужели кто-то из них хотел попасть на наш самолёт?... Я вспомнила: дверь самолёта открылась перед нами только в момент, в который Багтасар приблизился к ней, значит, Багтасар был ключом... Вернее, ключ всё это время был у Багтасара. Только ли у него? Или у Проктора тоже? Если бы не эти двое, мы бы не спаслись. Если бы не я, они бы тоже уже были... Выбывшими. То есть... Блуждающими.

Двигатель самолёта включается, и я с облегчением вздыхаю... Люди под нами продолжают толпиться... Заражённых всё больше...

Мы начинаем движение...

Если честно, я до трясущихся рук боялась того, что у Багтасара с Проктором не получится поднять нас в воздух. Нам могли повредить шасси... Да вообще могло произойти всё что угодно, но... Самолёт пришёл в движение... И не остановился.

Всё заняло не больше пяти минут. Во время взлёта дети снова расплакались и вдруг заплакала девушка, которую спас Проктор – вторая, с длинными волосами, сидела неподвижно и была бледнее приведения. Оценив их состояние, я вспомнила о собственном: вся в крови! Не дожидаясь завершения набора высоты, я отстёгиваю ремень безопасности и, не думая о безопасности передвижения во время взлёта, поспешно направляюсь в спальную комнату... В шкафу нахожу знакомые комплекты одежды: два деловых костюма отца и два моих спортивных костюма – выбираю чёрный.

Под горячим душем я простояла намного меньше, чем мне того хотелось бы – минут пять, не больше. Багтасар и Проктор тоже испачканы в кровь заражённых, а значит... Им тоже стоит как следует вымыть свои тела.

Проктор отправился в душ последним и мылся дольше Багтасара. Несомненно, в физическом плане ему досталось больше всех. В психологическом – самая пострадавшая здесь Тофа. Хотя... Неизвестно, кого мы ещё с собой прихватили.

Стоило мне подумать о наших случайных попутчицах, как из спальни комнаты появляется Проктор и, остановившись в коридоре между мной и сидящим напротив меня Багтасаром, и местами незнакомок по левую сторону от нас, облокотившись на кресло, на котором прежде сидели Тофа с Отталией (девочки перешли на задний ряд сидений и теперь затихли там) поинтересовался первым:

– Ну, кто тут у нас?

Блондинка с каре всё ещё оставалась пришибленной шоком, а длинноволосая, очевидно, не оценила дружеский тон Проктора, наверное, сочтя его фамильярным.

– Флорентина, – слегка задравверху нос (в этом движении я с лёгкостью распознала склонность к гордыне), отозвалась длинноволосая, после чего слегка кивнула головой в сторону своей соседки, сидящей у иллюминатора, – и Персефона Цамарали.

– Значит, Флорентина и Персефона Цамарали, – всеобщий герой посмаковал имена. – Сёстры, что ли? – наконец хмыкает Рокбриджер, пожалуй, внимательно рассматривая спасённую им и в этот момент отстранённо смотрящую заплаканными глазами в иллюминатор Персефону, нежели на говорящую с ним Флорентину.

– Да, родные сёстры.

– Совершеннолетние хоть?

Флорентина ещё выше задирает нос, при этом выпячивая вперёд грудь, будто её задело замечание о возрасте:

– Не видно, что ли, что не школьницы?

– Ну, по тебе-то видно...

Говорящая не дала ему договорить мысль о её сестре и произнесла с откровенным раздражением:

– Мне двадцать три в конце июня исполнилось, а ей двадцать в октябре будет. Британки мы, туристки, ясно? В Португалию приехали, чтобы отпраздновать мой день рождения.

– Ну, отпраздновали, получается, – хлётко парирует Проктор, как бы пресекая раздражённый выпад своей собеседницы, но в этот момент подаёт голос Персефона, и я замечаю, что впоследствии нашего Волкодава это немного смягчает...

Девушка, оторвав взгляд от иллюминатора, обращается к Проктору, при этом хлюпая своим розовым носом:

– Спасибо тебе... Что спас... Родители остались в Порту... Вот, – она вдруг достала из кармана своих джинсов телефон и протянула его Проктору. – Это сообщение от подруги. Она говорит, что наши родители утром ушли на рынок и с тех пор она их не видела. В подъезде был один заражённый, которого она смогла выгнать на улицу... Соседские квартиры – всего восемь все пустые... Сейчас она одна в трехэтажном доме и спрашивает, что ей делать...

Проктор вернул телефон Персефоне и на выдохе выдал самое очевидное:

– Ваших родителей больше нет, а что до вашей подруги... Пусть проверит надёжность запертости подъезда, раздобудет еды по пустующим квартирам, попробует обзавестись оружием. Больше вы этой девушке ничем не сможете помочь.

Стоило ему договорить, как в слёзы ударились не только мягкотелая Персефона, но и горделивая Флорентина не сдержалась. Рокбриджер сразу же растерялся, поняв, что где-то сморозил глупость, но так и не понял где:

– Ой, кажется, я что-то не то сказал.

– Ты сказал правду, – категорично пробасил Багтасар.
На этом всеобщие остатки желания к общению исчерпали себя.

Девять часов вечера, телефонной связи нет с момента нашего взлёта, интернет исчез спустя час полёта. Однако я всё же успела что-то выхватить из Всемирной паутины, прежде чем она смоталась в тугой клубок. Информация разрозненная, но уж лучше такая, чем вообще ничего. Во-первых, страны Южной и Центральной Европы определённо точно охвачены Сталью. В США также зафиксировали появление Стали и её быстрого распространения. Внутри Канады, то есть за её знаменитой стеной, вроде как разливается иной вид страстей: некие Атаки, о которых я прочла не так много, как хотелось бы... Ультразвук, поражающий людей. Об Австралии я ничего не успела прочитать. Зато прочла о методах заражения Сталью. Почти все попавшиеся мне статьи утверждают, что заражение происходит от укуса заражённого, а вовсе не от его крови, пусть даже речь о прямом попадании в организм, прочие же статьи отличались неуверенностью... Мы проверили каждого: все оказались в той или иной мере заляпанными заражённой кровью, но абсолютно точно никто из присутствующих в нашем ковчеге спасшихся не укушен. Более того, никто не проявляет признаков заражения: некоторые статьи утверждали, будто период инфицирования разнится – кто-то вещал о мгновенной реакции, но большинство говорило о сонливости и сне, после которого наступает “переключение” в фазу Блуждающего. За первую половину полёта сонливости ни за кем из нас так и не было замечено, так что... Так что, вроде как, пронесло.

Полчаса назад мы поели то, что Проктор нашёл в баре: лапша быстрого приготовления и виски – лапши хватило всем, а вот виски достался только совершеннолетним. После приёма пищи некоторых всё же начало клонить в сон, что совершенно неудивительно: летим уже давно, стресс плюс полные желудки... Первыми заснули на заднем ряду сидений Тофа и Отталия. Следующими в разложенных креслах отключились Флорентина с Персефоной. Когда эти четверо заснули, Проктор нашёл в спальной комнате пледы и накрыл ими сначала детей, после девушек, и уже в конце протянул плед мне. Пока я принимала эту заботу, Багтасар, уже выпивший первую порцию виски и пока ещё не притронувшийся ко второй, хмыкнул в сторону своего напарника:

– Молодец, всех спас, святоша.

– Не без твоей помощи, грешник. Я здорово сегодня приложился телом, так что кровать в спальнной комнате займу также я. Вам же будет лучше, если я скорее вернусь в норму.

– Я сама хотела предложить тебе постель, – покрывая ноги пледом, признаюсь я.

Без лишних слов Проктор уходит восстанавливать силы, и мы с Багтасаром остаёмся наедине, друг напротив друга. Картина потрясающая: за бортом густые кучевые облака окрашены в ярко-оранжевый цвет закатного солнца, в салоне всё полыхает от этого цветового пожара, и даже лицо Багтасара выглядит другим, но всё равно не выдающим и призрачного намёка на способность этого человека к милосердию.

– Сколько нам ещё лететь? – наконец интересуюсь я, когда он всё же решает начать употреблять вторую порцию своего чистого виски.

– Завтра в полдень будем на месте.

Под оранжевыми облаками сейчас хаос, а я здесь, над облаками, и думать совсем не хочется о том, что в эти часы происходит там, внизу... И всё же я интересуюсь:

– О чём ты сейчас думаешь?

– О семье.

Не знаю, почему меня удивил этот ответ, но удивил. Багтасар никогда не казался мне любвеобильным...

– У тебя жена. Прости, я никак не могу припомнить, как её зовут.

Всё, что я вспомнила: фотография ненатуральной блондинки с темноволосой девочкой на руках...

– Её зовут Олавия. Нашу дочь она назвала Сольвейг, сказала, что в честь силы солнца, а мне... Как-то всё равно было: Сольвейг так Сольвейг. Знаешь... Олавия снова беременна. Сейчас на первом месяце. Говорит, что чувствует, будто родит сына...

– Прости за вопрос, но... Ты любишь свою жену?

Прежде чем ответить, он глубоко вздохнул...

– Можно сказать, что я переживаю за неё. Понимаешь? Я в постоянных разъездах, она же один на один с Сольвейг и со своей мечтой о многодетном материнстве... И всё же, женился я по любви. Не той, в которой люди жить друг без друга якобы не могут. Мы очень даже можем: по полгода врозь проводим и ничего, вроде как... Но после сегодняшнего... То ли беспокойство обострилось, то ли осознал, а может быть просто вспомнил, что люблю я её. Пусть не страстно, пусть как-то тихо и по-своему, но искренне. Она родила мне дочь и готовится стать матерью ещё одного моего ребёнка. Мне скоро сорок пять, ей тридцать пять, и, если честно, я не могу понять, что её могло привлечь во мне, за исключением стабильного материального положения, но я помню, что первое, на что я обратил своё внимание, впервые увидев её – это её настолько тонкая кожа, что даже голубизну вен можно рассмотреть, как карту... Эта хрупкость привлекла меня, и я даже влюбился в неё, но...

– Но?

– Да ничего. То ли с хрупкостью страсти не познаешь, то ли из первой не высечешь вторую. Будешь ходить кругами да примеряться, как бы не сломать, а пока мысли по этой теме будешь гонять туда-сюда, так эта хрупкость и печальной станет, потому как расцвести в твоей тени не сможет, и сам в дураках останешься, ведь лишь истончишь своей аккуратностью то, что и без твоего участия тонко.

– Тебе кошку стоило завести, а не жениться на этой женщине.

– Что это значит?

– Кошки ненавязчивые, лицезреть их часто не нужно, заботиться тоже несложно, они ходят сами по себе и на руки к хозяину сами почти не лезут. Ты же увидел какую-то скромницу, не обделённую внешними данными, решил, что сможешь обеспечить ей безопасность и финансовую стабильность, что в нашем мире, считай, одно и то же, и, по сути, справился, смог. Один медовый месяц – короткий пшик, очень даже похожий на любовь. Как результат – дочь... Но что делать с дочерью – ты не знаешь, что неудивительно, потому как ты так и не разобрался, что же делать с её матерью. Любить по-своему, то есть, предоставлять безопасность – что ж, вариант. Почему бы и нет, собственно. Тебе уже почти сорок пять, вдруг настоящую страсть так и не встретишь на своём жизненном пути, и тогда зачем отказывать себе в тихом варианте счастья заботы о тех, кого можно звать своей семьёй, пусть и случайной, всё равно своей собственной...

– И когда ты повзрослела?

– Кстати о взрослых: нужно бы не забыть пошутить над Проктором по теме его вылета в окно – отплатить ему той же монетой за его шуточки о моих «оконных» побегах, – я попыталась улыбнуться, но у меня не получилось. – Я видела пятна крови на его рубашке. Это не чужая кровь – его.

– Не переживай по этому поводу – я осмотрел его спину. Царапины, не более того, – взгляд моего собеседника метнулся в сторону спящих детей, и я почему-то сразу поняла, что он смотрит именно на Тофу: – У нас была чёткая задача – доставить её отца в Австралию, – а в итоге мы спасли только эту девочку... Роул будет недоволен.

– Мой отец вообще когда-нибудь бывает доволен? По-моему, какой бы ни был результат, пусть даже самый положительный, моему предку он всегда будет казаться недостаточным.

– Это и отличает гениев от обывателей: им всегда недостаточно.
– Ты не фанат гениальности моего отца.
– Факт. Но и мне платят не за фанатизм.
– Зачем ему вдруг понадобился Гриммарк?
– Что-то связанное с Дворцом.
– Но Дворец ведь достроен.
– Скоро лично пообщаешься со своим родителем, тогда сама и спросишь, и заодно ответишь, как так получилось, что мы спасли не того Гриммарка, на которого он рассчитывал.
– В любом случае, мы спасли Гриммарка – не одного, так другого. Это уже много...
– Да не говори.
– Он всё ещё слушает Её? – я непроизвольно, нервно сглатываю.
Багтасар встречается со мной взглядом:
– Что тут скажешь: нынешние богатеи любят держать при себе ручных прорицателей.
– Ты скептик.
– Как и ты.
– И тем не менее... Не помнишь, что Она пела в уши моему отцу?
– Йорун не из разговорчивых и уж точно не сладкоголосая певица.
– Багтасар. Я её не слушала совсем, а ты всё это время был рядом с ними, значит, слушал хотя бы вполуха...

Он производит глубокий вздох, видимо, припоминая слова провидицы, от которых мой отец отталкивался столько, сколько я себя помню.

Сделав очередной глоток из своего бокала, он всё же говорит:

– Из последнего было сказано что-то о Красных Лунах, горящих в Красных Звёздах.
– И что это может значить?
– Да кто ж эту Йорун разберёт, кроме её самой да твоего отца. Сейчас ясно только то, что её слова о Стали, Блуждающих и Падении Старого Мира сбываются. Хочешь узнать больше? Читай дальше.

– Читай?

– То есть живи, – он отставил бокал с виски в сторону, видимо, решив не допивать. – Ты спасла мою жизнь сегодня. Дважды. В кафетерии и в доме Гриммарка.

– И что теперь?

– Считаю себя привилегированной.

– Что это значит?

– Поймёшь, когда наступит время.

– Удочеряешь меня, что ли? – ухмыляюсь я. – Берёшь под своё тёплое крылышко...

– А почему бы и нет? Ты так-то точно кошка, бегающая сама по себе, а значит, много хлопот не доставишь.

– Кошки царапаются.

– Рея-Рея... Выбирай я себе ребёнка, выбрал бы тебя.

От услышанного меня внезапно перемкнуло – ответные слова на мгновение застряли в горле и, кажется, к щекам подступил предательски выдающий степень моего смущения румянец. Заговорить удалось только спустя несколько секунд:

– Это в тебе виски говорит?

– Это во мне говорит тот, кто позаботится о тебе лучше, чем твой отец. Так и знай. А сейчас... Попробуй поспать. Лететь ещё долго.

Глава 6

Заснуть получилось не сразу – проворочалась до двух часов ночи, – но стоило провалиться в сон, и на поверхность сознания меня уже не смогли вытянуть ни детские плачи, ни ссора между Флорентиной и Проктором, ни случайное включение громкой музыки в салоне. Чем-чем, а крепким сном без сновидений я отличаюсь: хоть из пушки стреляй – не разбудишь, пока не выплю свои минимальные восемь часов. Сегодня проспала десять. Стресс, знаете ли...

Меня разбудила лёгкая турбулентность – видимо, попали в “воздушную яму”. Аэрофобией и даже намёком на боязнь полётов я никогда не страдала, так как с младенчества летала со своими родителями даже больше, чем мне порой того хотелось бы. Открыв же глаза, я сразу увидела желтоволосую красавицу вцепившейся в подлокотники своего сиденья: понятно, Флорентина хотя и не из робкого десятка, а падать с высоты боится, чего неожиданно не скажешь о тихоне Персефоне, безразлично смотрящей в иллюминатор и даже не пристегнувшейся ремнём безопасности – всё указывает на то, что осознание смерти дорогих им людей младшую сестру потрясло значительно сильнее.

Багтасара в кресле напротив нет. Дети притихли на заднем ряду сидений, сёстры-блондинки тонут каждая в своём молчании – одна в нервном, вторая в безразличном. Нас повторно встряхивает, и Флорентина ещё сильнее, до побеления пальцев, вцепляется в подлокотники своего кресла. Я отстёгиваю ремень безопасности – помню, что не пристёгивалась перед сном, а значит, кто-то позаботился, – встаю и направляюсь в сторону незапертой кабины пилота.

Багтасар занимает место главного пилота, Проктор – второго, страховочного.

– Автопилот ведь исправен? – с лёгким напряжением в голосе интересуюсь я, так как накануне слышала о том, что Багтасар называл себя “нехорошим пилотом”, а Проктор и вовсе напрямую заявлял о своих отсутствующих навыках пилотирования.

– Автопилот исправен, – цедит Багтасар, и испуг от моего сердца сразу же стремится откатить, но в следующую секунду он добавляет: – Твой отец не спешит открывать нам свой грёбаный купол.

– В смысле “не спешит”?

– В смысле: не впускает нас, – хмыкает Проктор, – а топлива у нас осталось от силы на полчаса... Так что если твой папаша не поторопится – придётся пробовать совершать посадку на воду. Рея, не отвлекай, честное слово... Иди пристегнись и не дёргайся с места, пока взрослые дяди не разберутся с тем, как спасти твою венценосную задницу.

Опа... Проктор в состоянии раздражения – редкое зрелище. Быть может, дело во вчерашних физических потрясениях, от которых он ещё не успел отойти, а быть может, всё настолько дерьмово, что у него нет особого желания скрывать это. Блин... Скорее всего, сочетание обоих вариантов, что точно не есть хорошо.

Единственное, чем в сложившейся ситуации я действительно могла им помочь: вернуться на своё место и действительно пристегнуться потуже. Так что я поспешила с помощью.

Стоит мне разобраться с непослушным ремнём безопасности, как мой взгляд падает в иллюминатор и замирает от зрелища. Я и прежде лицезрела Дворец Вамп с разных ракурсов – снизу, сбоку, на фотокарточках, экранах и даже в своих редких снах, – однако сверху, оказывается, ещё не видела.

Дворец Вамп – самая величественная и одновременно самая загадочная реализация амбиций моего отца. Девяносто пять тысяч квадратных метров – территория самого Дворца Вамп, без учёта прилегающей территории. Это на восемнадцать тысяч квадратных метров больше, чем Букингемский дворец. Что же касается прилегающей территории, представляющей из себя парки и лесной массив – двенадцать квадратных километров = тысяча двести

гектаров. Это на четыре квадратных километра, то есть на четыреста гектар больше территории Версальского дворца. И вся эта прилегающая территория накрыта мощным энергетическим куполом – почти таким же, какой сейчас есть только где-то в районе стран Балтии: там в последние годы строят некий “парящий город” – вдохновение архитектурным творением моего отца... Парящим тот город уже сейчас зовётся, потому как полностью строится над землёй – эффект парения будет создаваться за счёт свай и столбов... По сути: своеобразная копия инженерной и архитектурной мысли Дворца Вамп – первого в мире дворца, “оторванного от земли”. У отца получилось неоспоримо красиво и безусловно величественно: Дворец и некоторая прилегающая территория, отведённая под внутренние дворы, а также внешние сады – всё это как бы парит над нижними ярусами садов, под которыми распространяется последний ярус, отведённый под густой дикорастущий лес. В 2090-м году Дворец Вамп внесли в реестр современных Чудес Света: построить нечто подобное всего за двадцать пять лет человеческой жизни казалось нереальным до того момента, пока Гидеон Роул не превратил нереальное в возможное. Пресса писала, будто мой отец потратил на строительство этого “филигранного в своей искусности монстра” семьдесят пять процентов своего состояния. Конечно же, это неправда. Он потратил почти всё своё состояние. То есть, практически разорился, вбухав в этого “монстра” восемьдесят из восьмидесяти восьми собственных миллиардов и заодно приложил сто двадцать миллиардов инвесторов...

Дворец Вамп – не просто дворец. Это произведение современного архитектурного искусства в его наивысшем проявлении: тончайшая детализация мельчайших штрихов здесь правит балом. Превзойти такое величие кажется невозможным... Но не в этом суть. Зачем построен этот Дворец, да ещё и на одном из самых лакомых кусков Австралии, на полуострове, впритык к бескрайнему океану? Изначально отец оперировал смешным мотивом – якобы для съёмки высокобюджетных сериалов, – но в эту причину, конечно же, мало верили, так что он не нашёл ничего лучше, чем выдать за легенду свои собственные амбиции. Мне же он всё время называл совсем другую и до сих пор казавшуюся мне ещё более неправдоподобной, нежели съёмки пафосных фильмов, причину: он построил “ковчег” для спасения – нет, не человечества, – своей династии. Той самой династии, которую должна буду продолжить я, потому как мои брат с сестрой не рассматриваются в качестве наследников, и вообще совершенно всё равно, хочу ли я в принципе продлевать наш род посредством рождения новых носителей фамилии Роул – мой отец уже решил, что внуки от меня у него точно будут. Не удивлюсь, если однажды узнаю и от кого именно, по его плану, я якобы должна буду наштамповать своим телом новых Роулов...

Ещё даже не приземлились, а у меня уже зубы сводит то ли от собственного подросткового возраста, будь он неладен, то ли причина всё-таки не во мне, а именно в моём непрошибаемом отце... Представляю, как он будет рад узнать, что он оказался прав: конец света постучался в окно мира, а мы ему не откроем – мы укрыты под куполом! Точнее, пока ещё не мы... Пока ещё только он. Повезло, что я хотя бы любимая дочь. Будь я одной из двух старших его отпрысков, может даже и рассчитывать на открытие купола в экстремальных условиях не стоило бы...

– Мы кружим над этим Дворцом уже час, – внезапно вырывает меня из собственных мыслей Флорентина. – Что происходит?

Уже час?!.. То есть, нас не впускают уже целый час?!.. Проктор сказал, что топлива у нас осталось от силы на полчаса...

Стоит мне поймать первую волну паники, как из кабины пилота раздаётся довольный голос Проктора:

– Порядок! Пространство в куполе для вертикальной посадки открыто!

– Вертикальная посадка? – цедит сквозь зубы Флорентина. – Мы ведь не на вертолёте...

– Не трясись так. Это последняя модель, – я хлопаю ладонями по креслу, как бы указывая на весь самолёт в целом, – вертикальная посадка – лучшее, что умеет эта крошка.

Голос прозвучал уверенно, но внутри меня всё сжалось и не разжалось вплоть до тех пор, пока шасси нашего самолёта с неуверенным грохотом не коснулись посадочной площадки.

...Неужели мы сделали это?.. Неужели... Выжили...

Повреждённая нога Персефоны всё ещё не встала на место. Логичнее было бы, чтобы её взял на руки Багтасар, но тот сосредоточился на Тофе и Оттали, так что Персефой снова занялся Проктор.

Я покинула самолёт первой и уже спустя десять шагов попала в объятия своего отца.

– Ну и что ты сделала со своими волосами? – первым делом говорит мне на ухо родитель, едва не душа меня собственными руками.

В отличие от меня, мой отец очень высокий – его внушительный рост передался только его старшим детям, – его чёрные волосы уже почти полностью покрыты поволокой седины, и, как всегда, одет он в идеальный костюм серого цвета...

– Я тебя спрашиваю, что с твоими волосами, – наконец отстранив меня от своей грудной клетки, он наверняка едва сдерживается, чтобы не встряхнуть меня хорошенько за плечи, за которые удерживает.

– Это дреды, пап...

– Дреды!

– Ну да... Твоя дочь – бунтарка...

– Твой бунт едва не стоил тебе жизни. Подумай об этом.

– Хорошо. Обещаю, – капитулирующе вздыхаю я, прикусывая нижнюю губу, и сразу же попадаю под объятие его правой руки. Теперь он обращается к моим спасителям: – Багтасар, Проктор, я даже не сомневался в том, что у вас всё получится...

– Всё да не всё, – угрюмо хмыкает Багтасар, и отец наконец обращает внимание на других личностей, покинувших его самолёт.

– А это ещё кто?

– Две случайные попутчицы и... Дочь и племянница Пэра Гриммарка.

– Так вот, значит, что не получилось... Очень жаль, – его голос выдаёт нечто большее, чем просто сожаление. – Пэр нам сейчас очень нужен.

– Почему? – я поднимаю взгляд на отца.

– Поговорим об этом после того, как вы расскажите мне о том, что видели в Европе. До тех же пор вам стоит собраться с духом и, пожалуй, пообедать. Проктор, на тебе что, мой костюм?

– В Европе было кроваво, – отзываюсь я, – так что Проктору с Багтасаром пришлось переодеться...

– Да вижу я, что не по размеру им наряды... Приведите себя в порядок, а после – все на собрание. Все, кроме детей и этих двух, – он снисходительным жестом, то есть, одним из моих самых нелюбимых в его арсенале, обвёл “простой люд”, который предстал перед ним в лицах Флорентины и Персефоны. На сей раз Флорентина не задрала носа – видимо, узнала личность, перед которой ей выпала честь стоять, а может, начала понимать, что находится здесь на птичьих правах...

– Багтасар, кстати... У твоей жены этой ночью было кровотечение. Не переживай, с ребёнком всё в порядке, но беременность обещает быть сложной. Ей прописано сохранение со строгим соблюдением постельного режима. Собрание будет вечером, так что у тебя есть время, чтобы уделить внимание своей жене и дочери. Они размещены в южном крыле, ты знаешь, где искать.

Искать? То есть, его не проводят? Только сейчас я огляделась по сторонам и вдруг заметила, что при моём отце нет неотъемлемой части его окружения – охраны. Мы вообще здесь, в саду перед Дворцом, одни... Где все?..

Глава 7

Внутри Дворец ещё красивее, чем снаружи: резные детали здесь едва ли не в каждом сантиметре, и даже мебель вся в готическом стиле – ни в устройстве, ни в убранстве Дворца не найдётся ни одного элемента, оформленного в современном стиле.

Сначала я переделалась в комнате, которую три года назад, во время летних каникул, выбрала “своей”, а после плотного обеда в столовой, порадовавшей обилием ассортимента, но снова припугнувшей меня отсутствием людей – всего пара ребят в обслуживающем персонале, и те растерянные, – я дождалась назначенного для собрания вечернего часа, убив время чтением классического детектива, ибо интернет в моём телефоне всё ещё отказывался появляться.

Если честно, направляясь в кабинет отца, я не думала встретить там много народу. Предполагала, что помимо меня и его будут Багтасар и Проктор, как его неотъемлемые спутники-телохранители, а также предвидела увидеть эту всевидящую Йорун, однако приглашённых оказалось значительно больше. Впрочем, я пришла самой первой – опередив даже отца, – так что мне удалось отыграть невозмутимость, не вставая с избранного мной кресла.

Сразу после меня пришли отец и следующие за ним по пятам, уже переодетые в свои привычные чёрные костюмы, Багтасар с Проктором. Стоило отцу занять место за своим столом, как в кабинет зашла худая тридцатишестилетняя женщина с едва выющимися и наполовину седыми длинными волосами – Йорун собственной персоной. Наша провидица явилась с компанией: её младшего брата по имени Захария я сразу узнала, а вот молодую женщину, идущую рядом с ним, вижу впервые. Какая-то ненатуральная блондинка с островатыми чертами лица... Нет, её я точно не знаю.

Не успела я оценить эту компанию, как через порог кабинета переступил ещё один давно знакомый мне персонаж: Гектор Блаукрафт – советник моего отца по “военным” вопросам. В условиях мира, странная должность, однако отчего-то самая почётная в глазах моего отца. Блаукрафт выглядит стариком – бывшие когда-то чёрными волосы почти полностью поседели, фигура немного грузная, шаг тяжёлый, – а ведь на три года младше моего отца, о чём по первому взгляду совсем не скажешь.

Думала, что на этом сбор закончился, но ошиблась: в комнату вошли ещё двое... Когда я видела их в последний раз? Да, точно, припомнила... Два года назад, летние каникулы в Монако – один вечер в Монте-Карло, на который они залетели с разрешения отца. Мои старшие брат и сестра... Внутри от взгляда на них растёт непроизвольное напряжение. Я знаю, что они ненавидят меня за ту любовь, которую наш общий отец испытывает ко мне и совершенно не распространяет на них, знаю, что они ненавидят тот факт, что всё богатство нашего общего отца, по его идее, должно будет отойти мне одной... Но, положив руку на сердце, я не виню их за их нелюбовь ко мне и, более того, прекрасно понимаю темноту их чувств... В детстве, до того, как я потеряла мать, я мечтала о дружбе со своими старшими братом и сестрой, но в итоге поняла, что мои мечты – бред. Как выразился самый старший из нас, когда “случайно” разбил мне нос: “Мы не из одного помёта!”. Что ж, брат был прав, потому, очевидно, тем же вечером и заработал свой неслучайно разбитый нашим отцом нос: “Чтобы впредь не приближался к Рее!”, – прорычал тогда отец в лицо своего шестнадцатилетнего отпрыска. Мне было четыре года... С тех пор Джодок ко мне не только не приближался, но и бонусом окончательно возненавидел.

– Джодок, Рагнхильд, вы, как всегда, в самом хвосте, – неприветливо замечает мой отец, сразу начиная с унижения собственных детей на глазах у всего общества, пока я оцениваю внешние данные тех, кого видела в глаза не больше десятка раз за всю жизнь.

Джодок возмужал, стал таким же высоким, как и отец, отпустил, по-моему, не идущую ему аристократичную бородку, подчеркнул свои неординарные черты лица странными бакенбардами, чёрные волосы чуть отрастил и стал зачёсывать назад...

Рагнхильд, что ж... Своей внешностью всё так же больше походит на парня, нежели на девушку: грудь так и не выросла, черты лица не смягчились, да ещё и волосы подстригла под длинный ёжик, но, даже выкрасив их в красный цвет, женственности она себе так и не добавила... Плюс ко всему высокая, как каланча – всего на пару сантиметров ниже Джодока, но хоть уже в плечах... Знаете, в своей жизни я знала очень много злых людей, наделённых внешней красотой, и очень много людей непривлекательных и даже отталкивающих внешне, однако одарённых красотой внутренней. Увы, Джодок и Рагнхильд – не тот и не другой случай: их внешности отлично подходят их внутренним мирам. Я пришла к этому выводу не сразу – сначала я пробовала присвоить им иное описание и даже найти с этими ребятами общий язык, но... Сложно общаться с теми, кто либо нарочно разбивает тебе нос, либо толкает тебя в фонтан с пожеланием захлебнуться – второй сценарий случился, когда мне было шесть, а Рагнхильд только недавно исполнилось семнадцать. Я не рассказала о случившемся отцу, помня об опыте с разбитым носом Джодока – не хотела наблюдать за тем, как наш общий родитель топит в том же фонтане свою нелюбимую и, быть может, оттого и озлобленную дочь.

Не дожидаясь ответа от опоздавших, отец начал просвещение всех собравшихся:

– Всё, что вы должны понимать: привычный мир рухнул. Навсегда. В разных частях света по-разному, но суть одна – жизнь, какой вы знали её до августа две тысячи девяносто четвёртого года, больше не существует, – он начал по очереди включать мониторы на стене слева от себя, комментируя демонстрирующиеся ужасы: – Кадры, записанные до того, как мир потерял свой вездесущий интернет. Евразия, Южная Америка и Северная Америка, за исключением обнесённой стеной Канады, поражены вирусом, известным под наименованием Сталь. Заражённых – Блуждающих – на сегодняшний день невозможно излечить от безумия и каннибализма. Инфицирование Сталью реализуется исключительно через укусы уже инфицированных организмов. Далее... Канада – Атаки, характеризующиеся избирательными и очень мощными ударами звуковых волн. По имеющейся у меня информации, этот сценарий непредусмотренный: предполагалось, что Канада станет подобием огромного ковчега, но, очевидно, у наших канадских друзей вышло из-под контроля нечто очень важное – решающее судьбу целого человечества. Антарктида – единственный континент, о состоянии которого нам пока ещё ничего не известно, как и о состоянии некоторых островных государств, вроде Великобритании и Ирландии, а также отдельных клочках земли – автономных островах. Если вы до сих пор думаете, будто всё происходящее разразилось практически одновременно во всём мире – вы крупно ошибаетесь.

– Заговор мировых элит? – предполагает старик Гектор, и я вдруг замечая, что наш вояка не на шутку вспотел.

– Предназначение свыше? – брызнула скептической иронией Рагнхильд, при этом бросив взгляд в сторону Йорун.

Всё, что кружилось в моей голове под бой сорвавшегося на галоп сердца, сжалось в одну единственную фразу: “Значит, всё происходящее – не случайность”.

– Ты не сказал... – у меня запершило горло, так что даже пришлось прокашляться. – Отец, ты не сказал, что с Австралией.

Мне не нужно было смотреть на лицо отца, чтобы понять, что в момент, когда мой вопрос прозвучал, оно исказилось от боли... Не потому, что он не “предвидел” судьбу Австралии – ведь у него была Йорун, и не только она одна, но и знакомые в кругах мировых элит, – а потому, что, очевидно, он где-то серьёзно просчитался.

– Вампрагма.

– Что-что? – переспросила я.

Отец включил ещё один монитор, и рядом с экраном, показывающим Блуждающих, бушующих в изножье Эйфелевой башни, вспыхнули кадры из места, которое я сразу же узнала...

– Это... Граница нашего купола? – я всё равно переспросила, и в эту же секунду Гектор начал вытирать платком свой обильно потеющий лоб, Рагнхильд приложила руку ко рту, Джодок сделал шаг назад, Захария и стоящая рядом с ним девушка принялись нервно переглядываться, отец стал тяжело дышать, Багтасар с Проктором словно обратились в каменные статуи, и только Йорун сохранила трезвую невозмутимость.

На границе купола, прилегающей к материку, происходило... Кровавое месиво. Люди нападали на людей... Многие стучались в купол, будто надеясь проникнуть сквозь него и получить спасение... Нападающие были похожи на Блуждающих только своей кровожадностью, но... Я почти сразу заметила, что они ведут себя иначе. Если Блуждающие – безумные и совершенно не контролируемые себя монстры, тогда эти... Эти монстры кажутся расчётливыми и очень даже способными если не на полный контроль эмоций, тогда как минимум на стратегию и даже командную работу... У них есть клыки... Верхние... Они впиваются в шеи тех, у кого клыков нет, и кто выглядит как... Как жертва...

– Что это? – наконец хриплю осипшим голосом я.

– Вампрагма. Сталь породила безумных, жаждущих плоти. Вампрагма порождает жаждущих крови.

– Как... Как это работает? – шокированный голос подаёт Джодок.

– Заражение через всё тот же укус.

– В чём отличие от Стали?

– Блуждающие терзают плоть. Вампы помешены исключительно на крови. Блуждающие после заражения теряют свою личность и не способны контролировать себя. Вампы проявляют различные поведенческие навыки, но в целом: вид и запах крови лишают заражённых рассудка, который может к ним возвращаться в периоды их “сытости”.

– Вам... Пирь? Вампиры? – я переспрашиваю, потому как не понимаю. – И зомби?

– Зомби едят мозги, а вампиры горят на солнце, – отзывается Рагнхильд.

– Блуждающие едят любую плоть, а Вампы, что ж, на самом деле могут получать значительные ожоги под действием прямых лучей солнца, так что предпочитают ночное время суток для своих вылазок.

– Но сейчас день, а эти... – Захария тычет пальцем в направлении монитора.

– Эти находятся под навесом, потому и свободно активничают – солнце на них не попадает. И нет, они не самовоспламеняются от солнечных лучей – просто дурно переносят контакт с ними. Что же касается других предрассудков, связанных с мифами о вампирах, всё мимо: они не бессмертны и убить их можно не одним лишь осиновым колом в сердце, чеснока не боятся, в зеркалах отражаются... По сути: кровососы с отрастающими верхними клыками, аллергией на солнечный свет и проявлениями разума – последний пункт делает Вампов коварнее, а значит, опаснее безбашенных и неспособных на планирование Блуждающих.

– И они сейчас все... – Рагнхильд гулко сглатывает. – За куполом... То есть... Их сдерживает всего лишь купол?

– Это не “всего лишь купол”, умница, – открыто язвит отец. – Этот купол – мощь, которой хватит сил спасти нас даже от бомбардировки ядерным оружием.

На сей раз гулко сглатываю я:

– А нас что же... Могут бомбить?

– Не нас... Тех, кто за куполом. Хотя... – отец задумывается, и от этого по моей коже разбегаются недобрые мурашки.

– Гидеон, что вы хотите сказать своим молчанием? – Гектор уже едва ли не дрожит, продолжая вытирать свой лоб насквозь мокрым платком. Никогда прежде не видела его в любом состоянии, противоречащем солдафонской сдержанности.

– Мы просчитались.

– Просчитались? – Джодок едва не подпрыгивает на месте. – В чём?

– Мы отстроили это место не только за мои финансовые вложения. Многие “сильные мира сего” вложили свои состояния в этот проект, чтобы иметь возможность попасть на спасительный ковчег, но... – он вдруг покосился на Йорун. – Мы неправильно оценили время. Думали, что у нас есть ещё год, – теперь отец посмотрел на меня, как бы говоря: “Вот почему я едва не потерял тебя – потому что думал, что у нас есть ещё год и у тебя пока ещё есть время погулять”. Но зачем тогда были все эти бредни об университетах, обо всех этих вариантах будущего, которого у меня точно не будет?! Отец продолжает рубить правду беспощадно щедрыми кусками: – Помимо богатых и в остальном бесполезных людей, в списки тех, кто должен был найти спасение в стенах Дворца, было внесено много *высококвалифицированных специалистов*, способных *положительно* повлиять на выживание Дворца в условиях гибели мирового сообщества: профи в робототехнике, медицине и прочие выдающиеся личности, вместе с их семьями – вроде Пэра Гриммарка и его семьи. Но из-за нашего “просчёта” сейчас под куполом всего, – я услышала, как отец громко сглотнул, – ровно пять сотен случайно спасшихся душ.

Мой голос дрогнул:

– А должно было быть?

– Минимум пятьдесят тысяч человек, но можно было бы и “потесниться”, и в тесноте спасти ещё пару тысяч.

У меня непроизвольно задрожали пальцы, лежащие на коленях: пятьсот случайно спасшихся человек против пятидесяти двух тысяч душ, оставшихся за пределами купола...

– Ну, “высококвалифицированные специалисты” обычно бедны, так что штурмовать нас бомбардировкой они, даже если захотят – не смогут, – замечает Гектор

– А вот “сильные мира сего” могут, – также в цель попадает Проктор.

– Только если мы не откроем им купол и не впустим тех, кто купил место, – зрит в корень Захария.

– Запросы на посадку при Дворце уже были? – интересуется Багтасар.

– До вас – два частных самолёта.

– Вы впустили их?

– Нет.

– А как же... – я хотела спросить, как же уговор впустить тех, кто “купил” место, но мне не дали сказать и слова.

Отец продолжал говорить:

– Прямо сейчас над куполом летает двенадцать воздушных судов. Общая вместительность может подразумевать до двенадцати тысяч человек.

– Почему мы не открываем им купол?! – несдержанно ахаю я.

– Я именно это и хочу сделать: хочу впустить этих людей, – отец начинает сверлить напряжённым взглядом Йорун. – Я не понимаю, почему, имея возможность спасти многих, мы спасаем только случайную горстку везунчиков. Под куполом расточительно много места всего лишь для пяти сотен человек...

Я уже говорила об этом: мой отец расчётливый и очень даже может быть слепцом в семейных вопросах, но он не злой человек. Так что я не удивляюсь его словам о том, что он хочет спасти всех, кто сейчас стучится и ещё постучится в *наш* купол. Однако я удивляюсь тому, что он... Он будто спрашивает разрешения. Гидеон Роул никогда не был тем, кто нуждался в чьём бы то ни было одобрении и уж тем более разрешении, а здесь...

Мой взгляд метнулся в сторону Йорун. Она стоит тонким серым столбом на фоне деревянных панелей, обшивающих кабинет, и выглядит непробиваемой. Наконец, наша провидица подаёт голос:

– Тех, кто снаружи, впускать нельзя.

– Но вы ведь впустили нас! – резонно замечаю я.

– Ты нужна для будущего, так что попасть под купол ты была должна.

– А остальные что, не нужны? – я начинаю отчётливо злиться.

– Рея права, – отец поддерживает меня, чем вызывает раздражённую мимику у своих старших детей. – Мы не для того выстроили здесь оплот, способный продержаться на плаву пятьдесят тысяч человек как минимум на протяжении одного столетия, чтобы просто взять и отвернуться от тех, кто сейчас нуждается... – отец смотрит на монитор, на котором монстры в прямом эфире вгрызаются в глотки тех, кого он жаждет осчастливить своим великодушием. – Мы можем спасти если не всех, тогда хотя бы некоторых...

Молодая старуха выдаёт неожиданную фразу:

– И не все из тех, кто сейчас под куполом, спасутся.

От услышанного по моей коже разбегаются непроизвольные мурашки. Верила ли я когда-нибудь в силу предсказательного дара Йорун? Может быть, немного, но... То, что сейчас происходит – Сталь, Блуждающие, Атаки, Неуязвимые и Уязвимые, Вампрагма, Вампы, – она предсказывала во времена, когда все, за исключением моего отца, считали её сумасшедшей.

– Это предсказание? – спина моего отца вытянулась в струнку. Откровенно говоря, его поведение напрягает меня на протяжении всего этого вечера... Йорун ничего не ответила – то ли решила отмолчаться, то ли ей нечего было добавить. И тогда отец решил поинтересоваться мнением других: – Что здесь присутствующие думают относительно вопроса о том, стоит ли нам пытаться спасти людей, быющих в наш купол с воздуха и с суши?

Только сейчас до меня дошло, как выгодно построен Дворец: со всех сторон территория окружена водами океана и только один бок врежется в заражённую землю!

– Я за то, чтобы спасти всех, кого сможем! – категорично отрезаю я и сразу же ловлю на себе одобрительный взгляд отца. Видимо, поняв настроение отца, Джодок с Рагнхильд начинают поддакивать:

– Я бы спас тех, кого получилось бы протащить под купол.

– Согласна с Джодоком...

– Хотя я и хотел бы спасти всех, я солидарен со своей сестрой, – подаёт голос Захария. – Только главный архитектор Пэр Гриммарк знал о тайных ходах, спрятанных внутри Дворца и на прилегающей к нему территории. Потеряв Гриммарка, мы утратили доступ к этим ходам, а значит, возможность провести под купол людей, не жертвуя целостностью купола, – так вот зачем моему отцу позарез понадобился Гриммарк! – Я очень хочу спасти тех людей, и если мы придумаем, как это сделать без выключения даже части купола, тогда...

Багтасар решительно прерывает неуверенный лепет Захарии:

– Никого нельзя пускать под купол. Даже здоровых людей. Среди них могут оказаться заражённые, запоздалое вычисление которых может стоить всех жизней, сейчас находящихся здесь. Провидица права.

– Не нужно гнать лошадей, – встряхивает головой Проктор. – Там ведь не пушечное мясо... Там дети, женщины, старики, да и мужчины. Они все нуждаются в нашей помощи, а мы что же... Просто заткнём уши и закроем глаза до тех пор, пока за куполом все друг друга не перегрызут? – Как я и говорила: Проктор добрее Багтасара. – Быть может, Пэр Гриммарк сохранил чертежи своих тайных ходов?

Отец ответил категорично:

– У него всё было в голове.

– Нет-нет-нет, – замотал потным лбом Гектор. – Опускать купол нельзя! Один самолёт уже грозит нам штурмом – пилот говорит о том, что если в течение ближайшего часа мы не дадим ему возможности для посадки, он пойдёт на таран. Задумайтесь, что это значит: кто будет таранить купол и тем самым уничтожать свою жизнь вместо того, чтобы попробовать приземлиться в любом другом месте с шансом на спасение? Тот, кто находится в отчаянии. Знаете, что это значит?

За всех отвечает Джодок:

– Борт этого самолёта заражён. Скорее всего, в целых остался или только пилот, или пилот с теми, кто закрылся с ним в кабине. Если мы посадим этот самолёт под куполом – мы впустим на территорию Дворца или Вампов, или Блуждающих.

– Парень прав, – уверенно кивает головой старик. – Поддерживаю позицию Багтасара, Захарии и Йорун: открывать двери стучащимся в эти дни и ночи никак нельзя! Мягкотелость недопустима... Иначе... Не выживем.

Неожиданно голос снова подаёт Йорун:

– Дворец будет оплотом жизни, но не той её формы, какую знает человечество. Здесь начнётся и не закончится великая династия правителей, – в этой части предсказания мой отец задирает голову повыше, явно с удовлетворением слушая о блестящем будущем своих потомков. – Утвердится Истинный Король и будет править нечеловеческой силой, и от Него пойдут великие правители, но прежде освободится Он от Красной Жажды во время горения Красных Лун в Красных Звёздах. И не падёт Его власть до тех пор, пока не падут с металлических плеч бальные одежды.

– У меня предложение! – неожиданно нервным и даже скрипучим тоном вдруг выпаливает молодая женщина, всё это время стоявшая рядом с Захарией. – А давайте верить в весь предсказательский бред, раз уж что-то из него *случайно* совпало с нашей текущей реальностью!

В тоне говорящей не скрылась ни язвительность, ни лёгкая нотка истерики. Обычно молчаливая Йорун отреагировала на этот выпад молниеносно:

– Дорогуша, тебе словно не давали. Не забывайся: ты здесь только благодаря моему бреду и тому, что у моего братца не самый разборчивый вкус на женщин. Никакой иной полезности, Марен, в тебе нет.

Я наконец нашла в себе силы оторвать взгляд от пугающего экрана: огромный мужчина высасывает кровь из шеи умирающей в его нечеловеческой хватке женщины, а рядом другие Вампы, загнав вопящих людей в угол, начинают “выхватывать” из толпы жертв по очереди...

Хотя высказались все (отец, я, Джодок, Рагнхильд и Проктор – за то, чтобы попробовать спасти хоть кого-то; Йорун, Багтасар и Гектор – категорически против; Захария – мнётся; Марен – безголосая пешка) – всё же это было не голосование, а значит... Всё будет так, как решит отец, а он всё ещё отталкивается от слов Йорун, так что получается... Никого спасать мы не будем. И пальцем не пошевелим, пока нашей провидице не привидится, будто спасать не только свою шкуру – не худшее благо.

Не в силах больше терпеть напор внезапно навалившегося на мои плечи ужаса – ведь всё решено без меня! – я резко подрываюсь на ноги и направляюсь к выходу. Меня никто не останавливает – смысл?

Стоит мне выйти в тёмный коридор, как я, тяжело дыша – вот бы что-нибудь подвернулось под руки, чтобы разбить вдребезги! – сразу же заворачиваю за угол и в этот же момент едва не врезаюсь в кого-то. Резко отпрянув, я вижу перед собой молодую девушку, не обделённую внешними данными: высокая, с головокружительно стройной талией и пышной грудью – короткая бледно-розовая блузка оголяет низ живота – с длинными, лежащими на плечах завитыми волнами рыжими волосами, большими глазами и курносый носом, белокожая и белоzubая... Я сразу узнаю её: единственная дочь военного советника Гектора Блаукрафта – Аурелия Блаукрафт. Гектор – отец-одиночка, так что частенько бывал у нас со своей дочерью. Несмотря на то, что Аурелия старше меня на два года – получается, ей сейчас восемнадцать, – в детстве мы неплохо ладили и даже играли вместе – весёлая девчонка, – однако после того, как отец сослал меня в пансион, наши встречи сократились примерно до одного раза в пару лет...

– Всё слышала? – хмыкаю я, поняв, что она здесь не просто прогулками себя занимает.

– Надеюсь, что всё, – уверенно отзывается девушка и сразу же поднимает перед собой закупоренную бутылку виски. – У отца стащила. Будешь?

Значит, какой была озорной, такой и осталась. Я же, в свою очередь, не растеряла свою страсть к бунту.

Положительно кивнув головой, я молча взяла девушку под локоть и потащила её дальше по коридору, чтобы не распивать алкоголь под носом у тех, кто этого явно не одобрит.

В итоге мы зашли за угол и устроились на широком каменном подоконнике. Аурелия ловко откупорила бутылку и сделала первый глоток, после чего протянула бутылку мне. Я сделала аккуратный глоток и постаралась не поморщиться, при этом отметив, что Аурелии и стараться не пришлось – выпила так, словно ей предлагалась обыкновенная вода.

– Интернет погас, – девушка попыталась оживить свой телефон, но у неё предсказуемо ничего не вышло. – И кажется, что вместе с ним погас целый мир.

– Да уж, – виски мне не понравился, но я сделала ещё один глоток, потому что хотелось...

Собеседница забрала у меня бутылку и сделала сразу два глотка, после чего вдруг спросила:

– Почему этот Дворец назван Дворцом Вамп?

Я пожимаю плечами:

– Идея отца, но логично предположить, что дело в туманных прорицаниях Йорун.

– До сих пор считала её сумасшедшей и, честно, не понимала, как такой человек, как твой отец, может в принципе допускать присутствие подобной личности в своём пространстве. Выходит, я серьёзно ошиблась в ней. И не только в ней...

– О чём ты?

– С парнями не везёт, – она пожала плечами. В ответ я тяжело вздохнула.

У меня до сих пор не было парня. В наше время девушки в моём возрасте уже знают о том, каково это – встречаться с парнем, – но я как-то пропустила эту тему. Дело не в том, что меня не интересуют парни, просто... Все кругом меня были какими-то поверхностными. Быть может, это и неудивительно, с учётом того, что обычно в пансионаты запикивают богатеньких, а не толковеньких... Впрочем, меня ведь тоже запикнули... В том же, что у Аурелии всё должно быть “налажено” с парнями, сомневаться не приходится: с такой внешностью она, должно быть, считалась королевой красоты, где бы ни являла свою длинноногую персону. Однако на вкус и цвет товарищей нет – не всем парням нравятся рыженькие девушки. И всё же против груди четвёртого размера в сумме с покатыми бёдрами, конечно, противопоставить нечего, так что там уже, должно быть, и всё равно – рыженькая или блондинка...

– Много у тебя было парней?

– Трое, – невозмутимо пожимает плечами девушка. Мне сразу же кажется, что трое для восемнадцати лет как-то многовато, а она продолжает. – Все неплохие, но никто не “тот самый”, понимаешь?

Я хорошенько отпиваю из бутылки и лишь пожимаю плечами, этим телодвижением как бы говоря “понимаю”, хотя на самом деле что я там понимаю? Ничего. Ох и крепкое же это пойло... Моментально в голову ударяет. Или же просто я пить не умею. Не было времени научиться...

Додумать свои начинающие спешно захмелевать мысли мне не удалось. С подоконника нас с Аурелией сорвал резкий гром и следующая за ним, ослепительная вспышка света... Сначала я подумала, что небо над Дворцом взорвалось, после, что на нас сбросили бомбу, а потом... Потом я увидела огромные обломки самолёта, разлетающиеся в разные стороны – в тишину ночного океана; в купол, для провоцирования новых вспышек взрывного пламени...

Отец Аурелии что-то говорил о пилоте, грозящемся таранить купол... Получается, речь шла не об отчаянном блефе...

Мой отец что-то говорил о возможных бомбардировках со стороны тех, кто оплатил место под куполом, но не получил его... Блеф или...

Аурелия врезается в меня мокрым взглядом, и я, не чувствуя сил в неконтролируемо опустившихся руках, вдруг роняю на каменный пол полную бутылку виски – она сразу же разбивается вдребезги... В этот же момент мы подпрыгиваем от повторно переживаемого испуга... В своих мыслях я ахаю вопросом: “Что с нами будет?!”. Я вопрошаю не обо всех нас... Нет, меня в эту секунду интересуют совсем не все, а только те, страх которых я ощущаю так отчётливо, что, кажется, могла бы разрезать его ножом, будь в моих руках нож... Что будет со мной и Аурелией? Мы... Останемся в живых?

Глава 8

Багтасар Райхенвальд

19.09.2094

Прошло полтора месяца с момента, как мы попали под купол. Сегодня девятнадцатое сентября две тысячи девяносто четвёртого года – день моего сорок пятого дня рождения. Коридоры Дворца наполнились мученическими воплями... Роул допустил фатальную ошибку. Он заразил Дворец.

Гидеон Роул хотя и был хреновым гением, страдал мягким сердцем исключительно в те редкие моменты, когда подобные страдания подобны смерти. Агония вблизи купола не стихала ни в день, ни в ночь, и не угасла даже по истечении семи недель: с высоты нас трижды бомбила воздушная авиация – озлобленные остатки человечества, надеющиеся пробить брешь для своего проникновения на “ковчег” сверху, – с земли в купол стучались наивные незаражённые люди, которых здесь же отлавливали для своего питания Вампы... Роул всё это время торчал в своём кабинете, пялился в экраны, демонстрирующие ему хаос вблизи купола, и, пристально наблюдая за мучениями страждущих, медленно сходил с ума. К середине сентября, после всех бомбардировок и просмотров трансляций с видеокамер, разделяющих позицию Роула о спасении “хоть кого-нибудь” не осталось вовсе: сначала от идеи поиграть в спасителей отказались Джодок с Рагнхильд, после Проктор и, наконец, последней сдалась Рея. Теперь все достаточно протрезвели и прекрасно понимали, что протягивание спасительной руки вопиющим равносильно суициду. Понимали все, за исключением Роула.

Этой ночью основатель Дворца Вамп отправился к границе купола, чтобы открыть в нём брешь для прохода беженцев. Как и положено подкованным эгоцентричностью гениям, он ни с кем не посоветовался, решив провернуть всё тайно. Вот только тайна стала явью ещё до полуночи – для свершения катастрофы не понадобилось и одного часа... Удивительно, что Роул не смог верно оценить имеющиеся в его распоряжении возможности: он не смог в одиночку сдержать проход под купол от Вампов, но весь идиотизм этой попытки заключается в том, что и при помощи всех нас он не сумел бы сдержать эту заразу... Я краем глаза просмотрел записи: брешь была размером в пять на пять метров, толпа, обещавшая Роулу порядок и спокойствие, предсказуемо запаниковала, стоило только проходу в куполе открыться – началась давка, поднялись крики, беженцы хлынули волной... В этот бы момент и прекратить миссию, но и здесь Роул прислушался не к разуму, а к милосердию: последняя капля в переполненной чаше безвозвратности. Если бы он закрыл купол в момент поднявшейся паники, скорее всего, он в буквальном смысле разрезал бы на куски тех, кто в этот момент был вблизи границы силового поля... При таком раскладе всё ещё можно было бы спасти: мы бы тщательно проверили тех, кто успел прорваться, изолировали бы эту сотню человек и если бы выявили среди них заражённых, думаю, справились бы с их устранением до того, как они успели бы перекусать всех... Но Роул не закрыл купол. Гениальный дурак пожалел тех, кто был вблизи опасной границы и в итоге... Услышавшие человеческую панику Вампы явились из близлежащего лесного массива чёрной толпой. Они проникли под купол вместе с беженцами, снесли Роула с трибуны и растерзали... Купол остался открытым для кажущегося бесконечным потоком беженцев вперемишку с заражёнными. Эта брешь пропускает толпу под купол до сих пор.

Мы не были готовы. Во Дворце оказалось слишком много открытых дверей – распахнутая настежь демонстрация безмятежности глупцов, даже не допустивших мысль о возможности развития сценария с внутренней осадой.

Олавия пока ещё в безопасности – на экране я вижу её безмятежно спящей в постели и знаю, что её комната крепко заперта в медицинском крыле, потому что полчаса назад я лично

запер её. Эта беременность, в отличие от лёгкой первой, даётся ей настолько тяжело, что она практически не вылезает из постели: мало ест, много спит и дальше своей комнаты не выходит. Я ушёл от неё, не зная о том, что Дворец уже заражён... Я шёл по коридору, когда увидел первого Вампа – он впился в шею какой-то представительной дамы, обитавшей в медицинском крыле наравне с Олавией. Вовремя сориентировавшись, я бросился бежать и только благодаря своей расторопности успел добраться до неосвещённого кабинета Роула, прежде чем до него добрались все остальные – и заражённые, и незаражённые.

У Роула был “запасной” план, о котором знал очень узкий круг людей: он, его телохранители – я и Проктор, – Йорун и Захария. План был очень сомнительным, но теперь, в экстремальных условиях выживания, перестал казаться мне безумным и стал казаться последним шансом... За две недели до Падения Старого Мира Роул, тайно отдав все остатки своих миллиардов и заодно около сотни не своих миллионов – то есть не просто разорил себя ради этой идеи, но и вошёл в долговую яму, – смог раздобыть в свою коллекцию безумных идей небольшой стальной чемодан с вакцинами, которые Йорун называла “металлическими”. Его ручная провидица нагадала ему, будто эти вакцины – последний и самый важный ингредиент для становления Короля, которым Роул грезил и стремился стать любой ценой. Но идея с металлическими вакцинами заходила слишком далеко и казалась сумасшедшей даже для Роула: для того, чтобы получить всего лишь иммунитет от Стали, Вампрагмы и заодно от всех известных человечеству вирусов, необходимо ввести вакцину прямым уколом в сердце. То есть... Убить себя. Роул доверял Йорун, как доверял и тем, у кого добыл себе эти вакцины, но, очевидно, недостаточно, чтобы наложить на себя руки.

Металлический чемодан полусумасшедший гений оберегал, как зеницу ока – потому из своего кабинета и не вылезал всё это время. О том, где находится этот “последний шанс”, знал только он. И я.

Роул спрятал чемодан в скрытом подпольном сейфе, расположенном под своим креслом, я же узнал об этом, потому как он учёл всё, кроме одного: не он один слушал Йорун, не он один искал спасение для своей семьи.

Я перевёз Олавию с Сольвейг во Дворец ещё в начале лета, хотя по предсказаниям Йорун якобы и можно было повременить ещё год. Тогда же, в момент размещения своей семьи во Дворце, я установил в кабинете Роула три микроскопические видеокamеры. Я бывший военный, так что прятать и находить умею. Стол Роула – основная база, так что камеры я зафиксировал с расчётом на основную мишень. Я вовсе не собирался обкрадывать своего работодателя. Положа руку на сердце, скажу, что я предвидел вариант, в котором хренов гений всё испортит в самый последний момент – мозгов у него было на десятерых, но силой воли и мужским подходом к делу он отличался только в тех вопросах, которые не требовали решительных действий. Не тюфяк, но и не тот, за кем можно идти по минному полю, не имея в запасе бронекостюм в сумме с несколькими запасными планами. В варианте, в котором он оступаетеся – только в этом варианте и ни в каком другом, – я брал из сейфа четыре вакцины – для себя, своей жены и двух своих детей, – и оставлял дурака самостоятельно расхлёбывать наваренную им кашу. Я подписывался защищать его шкуру ценой собственной жизни, а не ценой жизни своей семьи. В мирное время я спас его от покушений на его нескромную персону трижды, и с тех пор он всё ещё не расплатился со мной в полной мере. Что ж, четыре вакцины – не самая высокая цена. Вот только... Как увести из заражённого Дворца уязвимую перед стрессом Олавию, мне пока ещё неясно. Да и куда её вести? Быть может, стоит забаррикадироваться и держать оборону... Скорее всего... Запасы пропитания можно раздобыть, столовая недалеко, но сколько внутри Дворца Вампов, сколько трупов и сколько лишь недавно заражённых?..

Закончив поверхностный просмотр записей на видеокamерах и ещё раз проверив запертость двери кабинета, я приближаюсь к столу Роула и в неконтролируемом порыве швыряю стоящий при нём треклятый стул с такой силой, что тот с грохотом ударяется в стену. Станов-

люсь на колено и срываю доски, скрывающие вмурованный в бетон сейф. Пароль для меня записала самая удачно размещённая микрокамера – прямо под столом... Запомнить несложно: “MirayaFreeman_RheaRawle_Dynasty” – гений мог бы придумать и более изощрённый пароль, но и тридцать один простой символ у меня удаётся ввести правильно только со второго раза – промахнулся и пропустил пробел между именами жены и дочери, вот ведь!

Достав чемодан-сейф, ввожу ещё один пароль, более сложный, так как вводить приходится не латиницей, а кириллицей, знанием которой я не обладаю, а потому вбиваю символы исключительно по зрительной памяти, которая у меня хотя и по-военному хороша, а всё же неожиданно подводит в самый ответственный момент. Первая попытка: “м-е-т-а-л-л-и-ч-е-с-к-и-й-г-е-н”, – мимо. Вторая попытка: “м-е-т-а-л-л-и-ч-е-с-к-и-г-е-н”, – снова мимо! Скрипя зубами, заставляю себя успокоиться, закрываю глаза и, стараясь не прислушиваться к человеческим воплям в коридорах – акустика мощная! – ещё раз воссоздаю в своей памяти заученный пароль. Вспоминаю о пробеле. Новая попытка: “м-е-т-а-л-л-и-ч-е-с-к-и-й- _-г-е-н”. Успех!..

К моему облегчению, чемодан не пуст – Роул ничего не перепрыгал. Здесь немало вакцин, но, конечно, недостаточно, чтобы спасти всех... Я бы забрал только четыре, ведь больше мне не нужно, однако смысл их оставлять, если их владелец, обрёкший на смерть всех, сам уже мёртв? На хаотично размещённых в бархатных ячейках автоматических шприцах, напоминающих металлические пластины, выгравированы двойные латинские буквы: “Re”, “Gd”, “Zn” – и иные. Один шприц странный, выглядит втрое крупнее прочих и имеет гравировку в виде связки трёх пар букв: “Cf–Pm–Cr”. На бархатной крышке сейфа выгравировано что-то про соотношение успешных попыток вакцинирования к неуспешным, а также мелким шрифтом информация о том, как один “успешный” экземпляр может “умножить” количество успешных, но читать мне некогда, и всё же решаю сосчитать общее количество шприцев: один, два, три, десять, двенадцать...

Я не успел закончить счёт – в дверь кабинета врезалось что-то тяжёлое. Захлопнув чемодан и тем самым автоматически активировав пароль, оставляю ценность под столом, продолжая прислушиваться к мощным ударам – кто-то всерьёз пытается таранить. Табельного оружия при мне нет, но я уверен, что оно мне в этой ситуации не понадобится – эту дверь не взломать даже нормальным тараном, не то что человеческим телом.

Приближаясь к двери, неожиданно различаю знакомый голос – Проктор!

– Багтасар, открой! Мы знаем, что ты здесь, ну же!

Мы?... Он не один... Увы, он уже может быть инфицирован, так что нет...

Я разворачиваюсь и уже хочу уходить от двери, как вдруг слышу почти плачущий голос Реи:

– Багтасар, умоляю! Умоляю,пусти нас!

Мои руки сжимаются в кулаки... Я не открыл бы преданному напарнику и даже другу, но открыл бы этой девчужке, которой прежде пообещал защиту, даже если бы Проктор не прокричал следующую фразу:

– С нами Сольвейг!

Имя дочери стало последней каплей. Как последний дурак – то есть, как Роул, которого перед этим я осуждал в его законченной фазе глупости, – я открыл дверь и впустил стучащихся в самый последний момент: в закрывшуюся вовремя дверь врезалось тело безумного Вампа...

Впущенных оказалось трое: Проктор с Сольвейг на руках и Рея... Все трое в крови... Мне понадобилось несколько секунд, чтобы даже в освещённом лишь светом луны сумраке понять, что кровь на них не чужая – кровь их...

– Вас покусали, – сквозь зубы цежу я, не находя в себе силы забрать из рук Проктора бессознательное тело дочери.

Проктор спешно кладёт ребёнка на чёрный кожаный диван, и Рея начинает рассказывать сквозь плохо подавляемую истерику:

– Я пыталась её спасти! Честно! Пыталась... Она была в кровати... То есть, я побежала к ней, ваши же покои по соседству... Она была там... И та женщина с клыками, она уже была с ней... Она укусила малышку, а я этой штукой, как её там... Такая высокая... Канделябр, торшер – как же? По голове!.. Она не в себе была и набросилась, укусила меня в плечо... Прибежал Проктор, он отбил меня, но появились ещё трое, они покусали и его... Я успела схватить Сольвейг, а она уже без сознания, в крови вся шея... Но она жива! Честно, Багтасар, она *всё ещё* жива!

Роул обрёл своих детей – и любимую дочь, и нелюбимых отпрысков, – на смерть. Вот и вся династия. А его провидица – всего лишь недоделанная “всеведущая”, неспособная определить даже точный год начала конца.

Прежде чем я успеваю прийти в себя от потрясения фактом того, что сейчас стану свидетелем смерти собственного ребёнка, Проктор, отстранившись от Сольвейг, начинает впадать в конвульсии... Рея сказала, что её и Сольвейг укусили раньше, так почему же он первым... Должно быть, потому что на тело этого хренова благородного спасителя, как всегда, пришлось больше ударов, что значит – больше укусов и яда...

Осознавая, что уже опаздываю, я под плач Реи бросаюсь к столу её отца, ныряю под него и начинаю вводить пароль в чемодан: “м-е-т-а-л-л-и-ч-е-с-к-и-й-г-е-н” – мимо! Вот ведь хрень! Пробел! Ещё раз: “м-е-т-а-л-л-и-ч-е-с-к-и-й-_-г-е-н”, – щелчок и мгновенный удар сзади – Проктор!

Он в край обезумел и в безумии своём вырос в своей силе вдвое. Отбиться от него было бы невозможным без использования оружия... Когда он под крики Реи завалил меня на пол и укусил в сонную артерию, под мою руку попался только открытый чемодан... Я наугад нащупал один шприц и, оттолкнув от себя бывшего напарника, выиграл десять сантиметров между нашими грудными клетками, благодаря чему получил в своё распоряжение всего пять секунд перед повторным рывком... Этого расстояния и этого времени хватило, чтобы успеть прицелиться. Я точно вогнал иглу в его тело, только не был уверен в том, попал ли в сердце, пока не оттолкнул ошарашенную болью фигуру здоровяка назад... Он завалился на спину и замер с широко распахнутыми глазами мертвеца. Приблизившись к нему на локтях, я наконец смог увидеть, что попал ровно в сердце. В этот же момент до моего слуха долетели рычащие всхлипывания в противоположной части комнаты... В высокие арочные окна всё ещё проникает лунный свет, и только он рассеивает темень кабинета, так что ещё два шприца я вытаскиваю из чемодана практически вслепую.

...Я приблизился к ней медленно. Она сидит на коленях, вжимаясь правым плечом в деревянные панели стены... Горестно заливается слезами и ненормально рычит – очевидно, пребывает на последнем сантиметре сознания, в последних секундах от потери себя в жажде впитаться в моё горло...

Опустившись на пол, я обнимаю её сзади, и она сразу же начинает реветь ещё громче, так надрывно и несчастно, что в её всхлипываниях утопает даже её собственное рычание. Впервые едва ли не за всю свою жизнь я ощущаю жжение от неожиданно подступивших к моим глазам слёз.

– Багтасар!.. Багтасар!.. Я ослепла?.. Глаза застилает... Ничего не вижу...

– Прости меня, девочка моя... Прости...

– Багтасар, не оставляй меня! Пожалуйста! Не оставляй меня!..

– Я тебя не оставляю... Что бы ты ни сделала, я всегда буду защищать тебя, дочь моя.

– Багтаса... – она не успела ещё раз проплакать моё имя до конца. Я с такой силой врезал в область её сердца шприц с автоматически выпускающейся иглой, что на секунду даже испугался, не проломил ли кости её хрупкой грудной клетки...

...Не проломил... Попал точно в цель.

Сначала вытянувшись в напряжении, в итоге Рея обмякла всем телом и замерла, словно обратившись в тряпичную куклу. Не знаю, сколько я просидел с телом этой смелой девочки в своих объятьях. Быть может, минут десять, а быть может, и целый час... Из пелены глухого забытья меня вырвал странный звук – как будто где-то совсем рядом зарычал маленький котёнок.

Сколько же прошло? Десять минут или всё-таки час? Проктор так и не очнулся, в запястье Реи пульс отсутствует, а значит... Эта вакцина – очередной, фатальный, непростительный бред. И всё же... Я не мог позволить своей дочери превратиться в алчущего крови зверёныша, не мог оставить её такой, не мог не попробовать и с ней – а вдруг именно с ней и сработает?

С родительской заботой положив резко охладевшее тело Реи на голый пол, я подошёл к рычащему дивану и хотел уже взять свою девочку на руки, но в момент, в который мои руки склонились над ней, я получил укус в правую ладонь. Зашипев, я со злостью, нехарактерной для родителя, схватил ребёнка за волосы, отбросил назад и, вцепившись в её хрупкую шею – не знаю, как не сломал в этот момент! – вколол в область сердца собственного ребёнка вакцину, в которой уже различал пустышку...

...Не сознавая себя, я дошёл до стола Роула, поднял и поставил на место тяжёлый стул, сел на него... Из поднятого с пола чемодана я выбрал тот самый шприц, который был больше прочих – так, чтобы наверняка, чтобы без лишних мучений...

Не снимая рубашки, я поднёс шприц к грудной клетке и, замахнувшись, ударил им туда, где, кажется, уже не стучало моё разорванное в клочья сердце.

Боль мгновенно ошеломила меня, пронзив собой каждый сантиметр моего тела...

Последнее воспоминание: я врезался лбом в стол с таким треском, что успел подумать, будто пробил своим тяжёлым черепом раритетное красное дерево, и задрожавшие перед моими глазами настольные часы навсегда замерли на отметке полночи.

...Я тонул на чёрном дне океана без поверхности, за границей которой возможно было бы сделать спасительный глоток воздуха...

Резко распахнув глаза, я услышал, как из моего горла вырвался надсадный, звероподобный хрип, и даже не понял, что он может принадлежать мне...

– Очнулся, – неожиданно раздался уверенный женский голос совсем рядом. – Быстрее всех.

Молниеносно повернувшись вправо, из-за чего едва не рухнул со стула, я увидел Йорун стоящей у угла стола. Она смотрела на меня пристальным взглядом ведьмы, я же вдруг увидел больше, чем всего лишь знакомое лицо: мимические морщинки, поры кожи, раннюю седину от кончиков волос до корней...

Мой взгляд в панике мечется в противоположную сторону кабинета, сначала хватается за тело Реи и только после перебрасывается на диван, где должна лежать моя дочь, но... На диване лежит тело не моего ребёнка – тело незнакомого мне подростка... Куда девалась моя дочь?!

За окном ранний, серый рассвет, при таком освещении я не должен видеть так хорошо... Так хорошо видеть труп той, кто мне дорог, той, которую я не спас, той, кого я собственными руками добил, и ещё вот этот незнакомый труп с дурацким тёмно-зелёным париком на неподвижной голове...

Сердце будто выпрыгивает из вздымающейся груди, острота зрения жжёт глаза, я до боли зажмуриваюсь и обеими руками хватаюсь за голову... Она настолько горячая и гладкая, что я моментально отдёргиваю от неё руки, в которых неожиданно распознаю пугающую, нечело-

веческую силу... Широко распахнув глаза, я вижу клочки собственных волос валяющимися на столе передо мной...

Резким рывком вскочив на ноги, я оборачиваюсь, помня о настенном зеркале, и встречаюсь взглядом с тем, что (или кого) никак не могу воспринять за собственное отражение: голова полностью облысела, борода же, оставшаяся такой же густой, как и брови потемнела до глубокого цвета чернильной ночи, глаза приобрели странный красновато-серебристый оттенок, рост точно на пару дюймов выше привычного, а моя и без того внушительная мускулатура вовсе увеличилась почти вдвое – рубашка разорвалась, будто я вырос прямо в ней...

За спиной послышался голос Йорун – как же теперь он звучит! словно миллионом оттенков нот одновременно:

– Багтасар Райхенвальд – Король тех, кто выживет, *несмотря ни на что*.

Не понимая, что услышал, я резко оборачиваюсь и сразу же встречаюсь с невозмутимым взглядом серой дамы:

– О чём ты бредишь на сей раз, женщина? До сих пор ты вещала о том, что мифическим Королём предписано стать Роулу.

– Я никогда не говорила о Гидеоне Роуле, как о Короле. Я говорила лишь о Короле.

– Тебя снова не понять... – в своей ошарашенности я пытаюсь заставить себя выровнять дыхание, но пока выходит не очень...

– Роул был тенью, закрывающей тебя.

– Да что же *это всё* значит?! – я с такой лёгкостью вхожу в раздражение, что в этом моменте снова не узнаю самого себя. Что с моим голосом?! Почему он звучит, словно металлический колокол, разразившийся громopodobным боем?!

Тем временем Йорун продолжает оставаться невозмутимой:

– Гидеон Роул исполнил своё предназначение. Поэтому теперь он мёртв. Его путь в истории завершён. И тени, скрывающей Короля от опасности зорких глаз, больше нет. Король вошёл в свою силу и, потеряв свою смертную хрупкость, боле не нуждается в тенях.

– Что ты несёшь?! С чего взяла, что я – мерещащийся тебе всю твою осознанную жизнь бред, который ты обозначила этим ничего не значащим словом “Король”?!

– Вес этому слову предашь ты...

Я настолько прекратил контролировать свои эмоции, что не дал ей возможности договорить:

– С чего взяла, что твоим Королём быть мне?! Многие были рядом с Роулом и в его тени: Гектор, Проктор...

– Я до последнего не знала, кто из вас двух – ты или Проктор – явит себя Королём. Моё неведение связано с тем, что Королём всё же мог стать и Проктор, и тогда... Всё было бы иначе. Но он не стал тем, кем быть тебе. Теперь в этой роли есть лишь ты и только ты. Другого нет и... Не будет.

Взгляд сумасшедшей метнулся на стол, и мой взгляд последовал за ним. Я понял, что её внимание привлёк опустошённый шприц, оставшийся на столе.

– Не одна... – зашептала ведунья. – Три иглы, – она снова вцепилась в меня своим острым взглядом. – Впредь *об этом* будем знать только ты и я. И никто больше.

Мне так и не удалось взять под контроль своё дыхание – грудная клетка лишь рьянее заходится в порывах насытиться кислородом:

– Во мне сила... Она... Не... Человеческая...

– Всё верно. Ты больше не человек. Отныне и до окончания своих *веков* ты Металл.

– Что это значит?

– Скоро сам начнёшь понимать.

– Что с остальными?

– То же, что и с тобой: кто-то выживет. А кто-то – нет. Сейчас тебе не стоит думать об этом. У тебя слишком много дел.

– О чём ты на сей раз?

– Необходимо очистить Дворец от скверны, ведь после этой ночи в его стенах всё ещё есть те, кто не заражён и нуждается в защите Короля: твоя жена, я и немногие другие. Но...

– Но?

– Ты должен знать: очиститься от жажды крови до конца не получится даже тебе, – она вдруг стала приближаться ко мне. – Дай мне свою руку.

Сжав зубы, я всё же протянул ей руку, и она вложила в мою ладонь серебряный нож для вскрытия писем.

– Сожми ладонь, – она не приказывала, лишь советовала.

Смотря в глаза той, которую я изо всех своих душевных сил убеждал себя считать безумной, но в которой безумия более не различал, я уверенно сжал ладонь. Она предсказуемо потянула на себя нож, лезвием рассекая мою кожу до крови, но ладонь я не разжал и, более того, боли как таковой не ощутил...

С ножом в её руках стало происходить что-то странное. Сначала я подумал, что эта женщина ввела меня в транс или гипноз, или же подобное состояние, но скоро понял, что происходящее вовсе не мерещится мне...

Она вложила полностью видоизменившийся нож в мою руку и вдруг спросила:

– Из какого металла был выплавлен этот нож?

– Из серебра.

– Ты знал это, потому что сам не единожды пользовался этим орудием, когда *был человеком*. Скажи, какой металл находится в твоей руке сейчас?

Не знаю, по какой причине, но я выдал ответ без сомнения:

– Это хром.

– Значит, именно этот металл будет твоей *проявленной сутью*, что ж... Впредь ты будешь Хромом для всех знающих и всех неведающих.

– Что ты несёшь...

– Тебе нужно очистить Дворец от Вампов, прежде чем они догрызут остатки уцелевших людей.

– Ты говоришь, что я один должен разобраться с целой толпой...

Она не дала мне договорить:

– Сожми нож в своей руке.

Я с уверенностью сжал нож, и он вдруг согнулся в своём лезвии.

– Тебе теперь ничего не бояться – всем бояться тебя.

Мой взгляд впервые падает на лежащее подле стола тело Проктора, и я замираю от увиденного. Я даже не успеваю проанализировать причину, по которой мне может быть слышен его пульс так, словно он стучит в моих ушах...

– Что с ним? Почему его кожа посинела? И что с его прикусом...

Проктор, как и я, раздулся вдвое, но не облысел – вместо этого весь посинел, изо рта вдруг вылезли крупные нижние клыки...

– Не знаю, почему у него таким образом отреагировал организм, особенно нижняя челюсть... – пожала плечами Йорун, и я уже хотел с чёрным сарказмом отметить её незнание хотя бы в какой-то области её собственного бреда, незаметно перетёкшего в мой, но она вдруг добавила: – Должно быть, его верхние клыки всё равно заострились так же, как у тебя, и как будет у остальных.

Я поспешно возвращаю свой взгляд назад к зеркалу и резко оскаливаюсь. Верхние клыки отчётливо заострились и заметно вытянулись!

– Что это значит?! Я заражён Вампрагмой, несмотря на то, что вколол себе вакцину?..

– Вампы теряют контроль в своей жажде. Ты тот, воля и контроль которого будут непоколебимы, как твердь. В твоей крови была Вампрагма, когда ты вколол в своё сердце металлическую вакцину, после чего ты умер, чтобы возродиться в новой форме жизни. Отныне ты не человек, и тебе очень скоро и болезненно придётся познакомиться с обеими своими ипостасями – твоим благословением и твоим проклятием: ты Металл и ты Вампиреск.

В противоположном конце кабинета внезапно раздаётся протяжный стон. Оторвав взгляд от отражения, которое мой мозг всё ещё не воспринимает за свою собственность, я врезаюсь взглядом в отражение той, что назвал своей дочерью за секунду до того, как приговорил к нетленной жизни через неизбежную смерть: Рея произвела повторный, тягостный вздох!..

15.03.2095

Пятнадцатое марта две тысячи девяносто пятого года. Я стою с окровавленными руками напротив обездвиженного тела жены, у которой роды принял имеющий полевую медицинскую подготовку Проктор, потому что ни одного дееспособного врача во Дворце не осталось в живых, если не считать бессознательного пластического хирурга. Этот час должен был настать, но я всё равно оказался не готов к очередной потере.

После того, что я пережил в сентябре и кем стал всего за одну зиму, мне начало казаться, будто я нуждаюсь в поддержке этой женщины. Однако Олавия всегда была слабенькой, а эта сложная беременность истончила её тело до состояния ломкой хрупкости... Но она не сдавалась. Я приходил к ней каждый день и проводил у её постели ночи напролёт – став Металлом, я разучился спать, – днём слушал её улыбочивые разговоры – как она старалась бодриться и даже выглядеть счастливой ради меня! – а ночами слушал её тихое сердцебиение и сердцебиение ребёнка, растущего в её теле. За месяцы этой мучительной беременности её руки стали такими тонкими, что в солнечные дни я почти мог рассмотреть их на просвет... Она была *слишком* доброй. То есть, совсем не подходящей мне... Быть может, поэтому я и любил её ещё сильнее в эти последние недели её жизни.

Я говорил Йорун, что смогу спасти свою жену. В ответ Йорун только молчала. Это молчание раздражало меня, но Йорун совсем не боится меня – видимо, знает, каким образом и когда умрёт, и потому не опасается за свою жизнь в моём присутствии, чего теперь не могут себе позволить другие. Из бесстрашных остались только трое: Йорун, Рея и Проктор. То, что теперь происходит с Сольвейг, невозможно назвать бесстрашием – это чистое безумие...

Я не присутствовал на родах, частично ожидая их исход в коридоре, но знаю, что они были крайне сложными: начались в полдень и закончились в первые минуты после полуночи. У нас родилась дочь, хотя Олавия на протяжении всей беременности была убеждена в том, что разродится сыном. Она успела только подержать новорождённую на руках и один раз поцеловать её в лоб. Я сделал прямую инъекцию металлической вакцины в её сердце в секунду его последнего удара, я уверен в этом... Но далеко не все, кому я прежде вколол вакцины во имя их спасения, смогли выжить. Заражённый Вампрагмой Захария не пережил попытку обращения в Металл...

Рассвет наступает медленно, словно затягивается нарочно, чтобы помучить меня сильнее. Я неподвижно стою напротив охладевшего тела Олавии уже седьмой час и слушаю тишину – сердце не выдаёт ни единого боя... Я пытаюсь убедить себя в том, что *это* вовсе не случай Захарии, что *это* может быть случай Проктора, который пролежал без прихода в сознание целых двое суток, прежде чем наконец открыл глаза... Но у меня не получается убедить себя. Я знаю: эта всегда казавшаяся мне призрачной женщина всё же растворилась в бурном течении моей жизни, чтобы больше никогда не вернуться к моим не знающим покоя берегам...

Позади меня открывается дверь, в палату входит Йорун. Я не вижу её, но я знаю, что это она, как и знаю, что в руках она несёт моего новорождённого ребёнка. Став Металлом, я стал знать слишком многое – зачем?

– Олавия не обратится в Металл, верно?

– Я не вижу вариантов будущего, в которых присутствует Олавия. Но у тебя *всё ещё* есть этот младенец, – Йорун передаёт в мои руки ребёнка.

Прислушавшись к младенческому сердцебиению, я всё сразу же понимаю... Слишком слабое сердце.

– Девочка умирает, – Йорун режет меня без ножа. – С таким пульсом твоя дочь не проживёт и недели. Ты можешь отпустить её вместе с её матерью или же оставить с собой.

– Олавия думала, что будет сын. Но на случай, если родится дочь, она также выбрала имя.

– Бе-е-ела-а-я, как ро-о-о-за... – знакомой песенкой, певаемой Олавией своему растущему животу, пропела Йорун, отчего моё сердце сжалось ещё сильнее.

– Розалия.

– Розалия, – согласно кивнув, уверенно подтверждает женщина.

– Как мне поступить, Йорун?

– Это должно быть исключительно твоим решением, я не должна влиять.

И тем не менее, сказав так, она же протянула мне автоматический шприц с металлической вакциной. Однако стоило мне его принять, как она повторила:

– Выбор только за тобой.

– С Сольвейг *у нас* уже есть опыт, Йорун. Не получилось...

– Не “не получилось”, а “получилось, как получилось”.

Я считаю так... С подвергшейся Вампрагме Сольвейг у меня не было выбора. С Розалией был.

Я провёл у колыбели своей никогда не плачущей и лишь изредка насильно кормящейся малышки пять дней и пять ночей. Я не спал, не ел и только слушал трепыхание крошечного сердечка, его медленное, безжалостное затухание...

Я не брал её на руки, боясь, что так будет только больнее отказаться от неё, но и моё отстранение в итоге не помогло мне сделать то, что я должен был сделать – отпустить эту чистую душу вслед за светлой душой породившей её женщины...

В завершении пятой ночи, прислушавшись получше и вдруг поняв, что слушаю самые последние удары этого чистого сердца, я сломался в глубинах своего одинокого горя и... Не отпустил своё дитя из этого мира.

ЧАСТЬ 2 АВИАРХ

Глава 9 Диандра Рокс 01.09.2148

Приковать себя к скале циркониевыми кандалами – не самая впечатляющая из моих идей, но одна из до сих пор неопробованных. Всё просто: тяжёлые цепи, бывшие прежде железными и обращённые мной в циркониевые, приделаны к вбитым в скалу пазам... По меркам Павшего Мира, подобная конструкция могла бы выдержать и напор грузовика. Но Борей не грузовик. Он Металл. Как и я. Поэтому и проверяю на себе, хотя, конечно, тоже глупость: быть может, ни скала, ни кандалы не треснут от максимальной силы моих стараний, быть может, они не треснут и под действием невероятной силы Борея, но под действием силы Маршала... Иногда мне кажется, что в мире просто не существует такой силы, которая могла бы сдержать Борея в форме Маршала. И это печалит меня сильнее всего на свете.

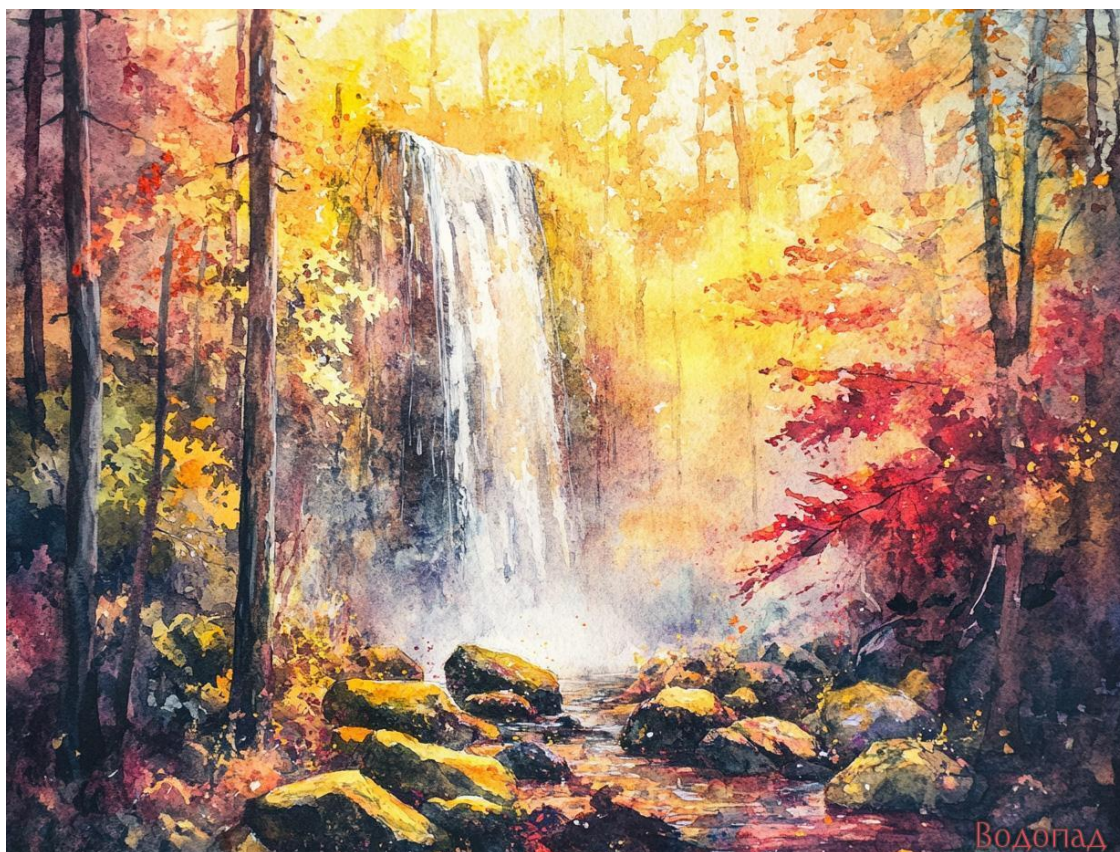
Быть может, стоило сделать кандалы не циркониевыми? В конце концов, Борей, как и я, Цирконий, а значит, его металл ему благоволит... Да, точно, нужно попросить Кайю вернуть цепи и пазы, а заодно и часть горы, в радий. Изучая сочетание различных металлов в самом начале наших металлических жизней, я перепутала Радий с Родиём, благодаря чему многое узнала о последнем элементе. К примеру: Цирконий с Родиём могут быть хотя и экзотическим, но всё же гармоничным дуэтом – в паре они не образуют “простого” сплава, родий может повышать стойкость циркония, цирконий может неплохо влиять на структуру родия, так что малые добавки могут улучшать общие свойства. У Радия же с Цирконием такой гармонии нет. Цирконий – стабильный, химически устойчивый металл. Радий – крайне радиоактивный и ядерно нестабильный. Но могло быть и хуже. Быть один из нас Ртутью, а второй Алюминием, и кровь одного была бы разрушительной для второго – сплошная коррозия, а не отношения.

С планом приковывания Борея к скале в момент его обращения в форму Маршала слишком много нюансов: Борей должен быть рядом со скалой, мы должны успеть его приковать, скала должна выдержать... И всё же Борей сам захотел попробовать, поэтому я, от нечего делать, решила начать приготовления, пока он с Кайей прогуливается где-то вблизи леса – парень давно к нам не заходил и задолжал Кайе своё общество, так что сегодня он расплачивается за свои долги.

Приковав только одну, правую ногу, я бросаю массивную цепь на усыпанную пожухлыми листьями землю и разгибаюсь. Невольно замираю от созерцания природной красоты... Только первый день сентября, а кажется, будто осень началась уже давно. Высокая трава – почти мне по плечо, – стоит серо-жёлтым сухостоем и в такой серый день кажется по-особенному кинематографичной. В конце небольшой опушки, между двумя вековыми елями, стоит одноэтажный дом с двускатной крышей и крыльцом, обитый выцветшей серой вагонкой. Не думаю, что он старше елей, но ему точно больше полусотни лет – построен до Первой Атаки. Высокий сухостой шуршит от игры в нём прохладного ветерка... Хорошее, тихое место, одно из немногих, в которых мы смогли найти в себе силы задержаться надолго. Прежде, дольше мы жили только в доме, в котором я родила Борея. Сначала там было неплохо, но людей, в частности, трапперов, становилось всё больше и больше, так что мы приняли решение двигаться дальше... Бродили знатно, нигде не останавливаясь дольше, чем на пару месяцев: осматривали павшие

города и сёла, помогали выжившим, всё же больше отдавая предпочтение уединениям в Диких Просторах, наслаждениям не тронутой человеком природы. Однажды на нас напала большая толпа трапперов – в той потасовке с Кайей произошло что-то странное, что мы до сих пор не понимаем: она засветилась и в момент, в который схватилась за наши руки, всё изменилось... Мы словно... Телепортировались. И я сказала бы, что этот пережитый нами “момент” до крайности странен, но в конце концов я бессмертный Металл – что может быть страннее этого? Так мы оказались в противоположной части Канады, резко переместившись с севера на юг. После того прыжка Борей целых три дня бушевал в облике Маршала – такой продолжительности проживания состояния безумия с ним прежде не случалось, – я же отошла от состояния “человеческой” слабости только за неделю, а бедняжка Кайя вовсе два месяца пролежала пластом. Мы “упали” в это самое поле, в эту самую высокую траву, и нам повезло, что Маршал убежал в близлежащий лес, не разгромив этот чудесный заброшенный дом, в котором мы втроём в итоге и пришли в себя, но так и не поняли, что же с нами произошло.

Великая Канадская Стена совсем недалеко – каких-то пять километров, – могли бы и попробовать перебраться через неё, но мы ждём готовности Борея. Благо, времени у нас с избытком, так что мы не торопимся. Наш дом обустроен замечательно, разве что только воды горячей нет – приходится мыться в лесном водопаде, а зимами баловаться в прорубях. Место красивое, но всё же больше меланхоличное в своей тишине. Мне немного не хватает Борея, ушедшего жить в дом, расположенный в семи километрах на север – смешное расстояние для Металла, однако Борей и в своём доме редкий гость: бродит по лесам в одиночестве уже третий год. Мы здесь с две тысячи сто двадцатого года, получается, уже двадцать восемь лет. Я знаю, что если бы Борей не повстречал Софию, мы бы так долго здесь не продержались, но Софии нет уже восемь лет, а мы всё не уходим... Даже не знаю, почему я хочу уйти из места, в котором мне хорошо, но подозреваю, что причина может заключаться в скуке. Всё моё общество – это Кайя и изредка заглядывающий к нам Борей. Я перечитала тысячи книг, а сохранённые записи фильмов перестала смотреть, когда поняла, что визуальные напоминания о безвозвратно потерянном Старом Мире вгоняют меня в тягостную тоску, граничащую с апатией... Иногда я хожу с Кайей гулять в далёкий большой город, там мы находим для себя какие-то безделушки и, бывает, помогаем случайным людям, но в таких местах в наше время царит лишь хаос, боль и страх, так что держаться в нездоровом социуме долго не получается – сразу хочется сбежать, но куда? Природа – единственное, что приходит на ум. Однако... Я чувствую, что мне не хватает большего. Мне не хватает равных мне. Безумие, но я иногда размышляю о том, как могло бы быть здорово, если бы в этом мире помимо меня, Борея и Кайи существовали другие Металлы: они бы знали, каково это – не стариться и не умирать, а значит, я могла бы себе позволить хотя бы призрачную связь с теми, кто не будет медленно и верно на моих глазах обращаться в прах... Никогда не была экстравертом, но и интровертом я тоже никогда не являлась. Амбиверт – “золотая середина” между интровертом и экстравертом: мне хорошо вне шумных компаний, наедине с собой и со своими мыслями, но порой у меня возникает тяга

к общению... И если уединения у меня в избытке, тогда в области возможности общаться с интересными личностями у меня голодание, затянувшееся уже более чем на полвека... Чтобы не сойти с ума, хочу двигаться дальше. Хочу перейти за стену. И пусть Металлов в этом мире больше не существует, пусть мы единственные в своём роде и других никогда не будет, всё ещё есть люди, а они, пусть и умирают, бывают очень интересными: главное – не привязываться, а если уж чётко соблюдать это правило, так и путешествовать можно с лёгкостью.

Вдыхая аромат прохладного воздуха осеннего дня, прислушиваюсь, но не слышу присутствия Борея и Кайи вблизи. Значит, ушли далеко...

Я была удивлена своему становлению матерью. Никак не ожидала от себя подобного... По Маршалу я всё ещё тоскую, столь сильная выпала на мою долю любовь, и порой думаю, как бы он отреагировал на новость о том, что стал отцом такого невероятного чело... Металла. Борея прекрасен в своей сложности: он добродушен, как никто, но он же и безумен в ярости своего альтер-эго. Обе его характеристики в итоге и сделали его отшельником. Мне не хочется представлять, как он, со своим добрым сердцем, справился с потерей Софии, и моё собственное сердце обливается кровью, когда я замечаю, что после этой утраты он хотя и начал чаще заглядывать к нам, стал печальнее. У нас необычные отношения: Борея вырос слишком быстро, и это повлияло на всё. Первые пятнадцать лет жизни он и физически, и психологически шёл в рост со скоростью год за два. Как же эти пятнадцать лет я дрожала при мысли о том, что нам остаётся быть вместе слишком мало! Как часто Кайя украдкой плакала, боясь, что он не прекратит свой рост и в итоге к пятидесяти годам мы потеряем его в теле старика... В пятнадцать лет его рост остановился – развившись до параметров крупного тридцатилетнего мужчины, он больше не постарел ни на один день. От наших сердец отлегло, но скорость его взросления выстроила между нами неординарные отношения. Он слишком рано – на восьмом году жизни, по его меркам равному шестнадцати годам, – начал не только осознавать, но и вести себя как единственный мужчина в семье. Ответственность за меня и Кайю, отсутствие общения с равными ему ровесниками, атмосфера напряжённой опасности со стороны трапперов – убить нас невозможно, но проштробить пулями можно, что неоднократно приводило и к потерям на стороне агрессоров, и к срывам Маршала, – всё это заставило Борея психологически повзрослеть раньше срока. Парень вырос добрым, но кажущимся по-грозному угрюмым и даже суровым – отличительная черта многих эмпагов, как защитный механизм. Однажды он сказал мне: “Чем более хмурым выглядишь, тем меньше лезут в душу”. Он общался с людьми, помогал им, часто страдал от метафорических и неметафорических ножей в спину, но быть добрым так и не перестал, только становился всё более замкнутым и всё чаще уходил гулять в лес в одиночестве. Боюсь, как бы он в итоге однажды совсем не ушёл в себя и в природу. Мы не та семья, в которой мать подтирает сыну соплю – ха! скорее даже наоборот... – и всё же я переживаю о нём так, как может только мать. Я живу без Маршала уже пятьдесят три года и до сих пор страдаю от этой потери. У Борея же с Софией, как мне кажется, всё было не так туго, как у меня с Маршалом, но их отношения продлились дольше... Естественно, он печален даже по истечении восьми лет, но его печаль всё равно тише моей по Маршалу. Мне теперь даже кажется, что сколько мне жить, столько и оставаться одинокой – никогда мне не встретить того, кто смог бы быть не просто равным мне, но даже сильнее меня, никогда больше не почувствовать себя слабой в сильных мужских руках, никогда не затрепетать от присутствия мужской энергетики в моём пространстве: смертные мужчины слабы, как тростинки – один мой щелчок, и весь их пыл обращается в пыль... Я смирилась. Хорошо, я принимаю себя монашкой, ладно. Но для Борея и для Кайи я не хочу такой участи – участи невольных одиночек, обделённых возможностью испытания счастья от прикосновений больше, чем просто небезразличного тебе существа. Поэтому я не была против Софии, хотя и не видела в ней лучшую из возможных кандидатур для Борея – она была “жестковатого” характера, что, впрочем, прекрасно объяснялось её “выживающим” образом жизни, – поэтому я переживаю о том, чтобы Борея однажды

не остался один на один с собой... Как и бедняжка Кайя: она, в отличие от меня, грезит о любви, которую до сих пор ни разу не познала. Я перегорела, а она так ни разу и не зажглась — две крайности одного триллера под названием “Незаканчивающаяся Металлическая Жизнь”.

Из тяжёлых мыслей меня вырывает неожиданный треск. Взгляд сразу же выхватывает чёрные фигуры, появившиеся на противоположной части поля, на границе с лесом... Их очень много... Сначала кажется, что десятки, но, включив металлический слух, я распознаю сотни сердец! Это трапперы! Все вооружены и... Стреляют! Из пулемётов – очередью!

Я срываюсь с места и сразу же зарабатываю шок неожиданным падением – моя правая нога всё ещё прикована цепью к скале! Вот ведь! Где ключ?! Я ведь положила его здесь, совсем рядом, в траве... Я пытаюсь его найти, но ключ был не циркониевым, так что почувствовать его на расстоянии не получается, а зрение не выхватывает...

Я встаю и под свист пуль начинаю искать в траве, но ключа нет! Плевать на ключ! Я ведь Металл... Я срываюсь с места, но цепь не рвётся – хороша ловушка! Быть может, и смогла бы удержать Маршала, если бы мы только попробовали...

Стоит мне подумать о сыне, как я замечаю его: на металлической скорости он, в форме Маршала, бежит за Кайей! Это нехорошо... Это очень-очень нехорошо! В форме Маршала Борей не различает никого и способен нанести вред даже мне с Кайей! Однажды он едва не оторвал ей ногу, а меня чуть не размазал по земле...

Уже находясь на середине поля, Кайя начинает... Она начинает... Светиться тёплым светом... Совсем как в прошлый раз... Пули попадают в неё, как и в Борей, но она бежит не останавливаясь, спасаясь не столько от них, сколько от Маршала... Я чувствую её энергию и на каком-то животном уровне осознаю, что сейчас что-то безвозвратно “схлопнется”.

Прежде чем я успеваю хоть что-то предпринять, Кайя приближается ко мне впритык, одновременно с догнавшим её Маршалом... Сияние моей девочки слишком сильно... Всё, что я успеваю подумать перед тем, как Кайя касается меня своей светящейся рукой, а Маршал касается её плеча: “Только не это! В прошлый раз всё закончилось дурно!”, – и вдруг вспышкой в моей голове звучит строчка, в прошлой жизни выбитая Рагнаром из Гриффина и периодически приходящая ко мне в беспокойные минуты: “Здесь, где единство со свободой цветут”...

Вспышка света оказалась настолько яркой, что даже с закрытыми глазами я переживала о том, не ослепну ли на какое-то время, но уже спустя несколько секунд, когда тело начало ощущать невесомость, вспышка перекрасилась в разноцветный поток бликов, очень похожий на северную аврору...

Открыв глаза в момент, который моё тело определяет безопасным, я вижу что-то странное: не серую осень в Диких Просторах Канады – ярко-оранжевые закатные небеса – но ведь ещё далеко до захода солнца! – я парю высоко в небесах, кувыркаюсь в них, словно подхваченный ветром пух, Борей и Кайя ещё выше, мою правую ногу тянет вниз с такой силой, что в итоге моё тело выравнивается в полёте и я продолжаю лететь вниз ногами, задрав руки над головой... Моя одежда сильно пострадала – вся разорвана едва ли не в клочья... Подо мной огромное тёмно-синее пространство: вода! Очень много воды! Это не река и не озеро... Море?! Океан?! Значит, падение будет не таким болезненным, каким могло бы быть, окажись под нами скалистая местность...

Только я успеваю подумать о мягком приземлении, как в следующую секунду вхожу всем своим телом в воду, словно острый нож в расплавленное масло...

Из-за паники, я успела лишь вовремя настроить подходящую температуру тела – чтобы не впасть в температурный шок, – но не успела вдохнуть поглубже... Я начала тонуть. Я начала тонуть! Я поняла это почти сразу: моим рукам, гребущим в сторону поверхности, не хватает силы! Что это такое?! Чему я противостою?!

Сначала я увидела под водой тела Борей и Кайи: Маршал стремится к ней, она же стремится прочь от него – у неё серьёзные проблемы! Ей нельзя попасться в его руки! Они стремительно отдаляются от меня в непроглядную тёмно-синюю пучину... Но мне некогда думать о них – я *всерьёз* утопаю!.. Меня тянет всё глубже и глубже, вода становится всё темнее и темнее, и темнее... Нога! Я наконец осознаю, что на самом деле причина в моей правой ноге! Опустив взгляд, я вижу, что всё ещё пристёгнута кандалами к... Это огромный кусок скалы! Размером с одноэтажный дом! Кайя вырвала меня вместе с куском скалы?! Стоит ли радоваться, что не оторвала ногу, или... Или моя спасённая нога станет моей гибелью?!..

Я пытаюсь дотянуться до зажатой щиколотки, но скорость погружения настолько стремительна, что мне удаётся коснуться основания цепи только в момент, когда мой груз врежется в дно. Выходит, здесь не так уж и глубоко – не больше пятидесяти метров, – и всё равно этого достаточно, чтобы... Чтобы...

Мои пальцы соскальзывают... Холодная вода начинает проникать в рот... Поднявшийся со дна песок и ил застилают глаза... Я почти ничего не вижу... И замираю... У меня нет сил, чтобы сделать хоть что-то... Металлы не умирают от недостатка кислорода и утопления, это я могу вам точно сказать... Быть привязанным к грузу под водой – это про агонию и кому, но не про смерть... Если меня не вытащат... Если Кайя и Борей потеряют место, в котором мы упали... Это...

Это...

Мне так больно в области груди, что в панике я начинаю непроизвольно кричать... Последние остатки воздуха вырываются из моего рта... Ил уже осел на дно – значит, я здесь дольше, чем осознаю! – поэтому я вижу, как пузыри воздуха взмывают вверх почти в кристальной чистоте тёмной синевы... И вдруг мой взгляд выхватывает нечто большое... Какое-то крупное существо... Оно плывёт сверху вниз, прямо на меня... Больше акулы... Кит?.. Нет... Существо огромно, но не настолько... Точно не хрупкая Кайя... Мог бы быть Борей, но и не он... Касатка?..

Я понимаю, что перед моими глазами внезапно возникает человеческое лицо только в момент, когда Некто останавливается лицом к лицу ко мне... Я уже почти потеряла сознание, так что черты его лица практически не различаю... Понимаю только, что это очень крупный и как будто бы незнакомый мне мужчина...

Сначала он коснулся своей огромной ладонью моей щеки, будто под водой хотел убедиться в том, жива ли я ещё... Не знаю, убедился ли... Я уже ничего не осознавала... Лишь почувствовала, как он резким рывком нырнул ещё глубже, и в следующую секунду я ощутила облегчение там, где меня удерживала циркониевая цепь... Как он смог?.. Неважно. Важно лишь, что у меня не осталось сил, чтобы отреагировать на возможность своего спасения – я захлебнулась... Стоило моему телу потерять отягощающий груз, как меня начало относить в сторону подводным течением – я сразу же решила, что меня затянет в океан, но Некто вновь оказался рядом... Он схватил меня... Сначала за правое запястье – рывком подтянул к своей тёмной фигуре, – потом... Как будто под водой взял меня на руки... Я попыталась повернуть голову в его направлении, но в итоге лишь увидела, что на его лице нет кислородной маски, то есть, он не аквалангист, так как же он может так долго находиться под водой...

Я окончательно потеряла сознание...

...На секунду пришла в себя в состоянии выворачивания наружу: кто-то со страшной силой надавил на мою грудную клетку, так что из моего рта мгновенно хлынул фонтан холодной солёной воды... Меня резким рывком перевернули на бок, и я увидела песок... Жёлтый, мягкий, такой может быть только тёплым, но... Моё тело трясёт от неожиданно глубокого холода...

Я снова ощущаю невесомость – словно в какой-то момент меня сзади подняли на руки... Песок стал далёким... В этот момент я повторно потеряла сознание – совсем как человек! или совсем как в тот первый раз свечения Кайи... – и на сей раз не очнулась ни в течение нескольких минут, ни в течение часа, ни в течение...

Глава 10

Моё подсознание терзается бредовым сном. Оранжевый закат поджёт собой пушистые кучевые облака, я в них горю и срываюсь с них в холодную синеву... Борей с Кайей бегают по чёрному дну, совсем как по земле... И вот я уже на пляже с тепло-жёлтым песком... Воды всё равно слишком много: и на мне, и во мне... Меня прибило к берегу? Борей и Кайю точно нет... Что-то страшное в воде... Огромный человек... Со мной... Он вытащил меня, заставил дышать... Теперь я почти различаю черты его громадной фигуры... Он весь в чёрном, и даже борода у него чёрная... Бритоголовый... Голос громоподобный, он командует... Он кого-то послал в воду против их желания? Чтобы вытащить “остальных”? Далеко в джунглях стоит серая женщина в средневековом платье и рядом с ней смуглокожая пышная девушка... Они обеспокоены... Чем?.. Тем, что меня взяли на руки? Меня взяли на руки?!..

Я резко распахиваю глаза и сразу же сажусь... Где я?!

...Я в постели... Комната каменная, украшена искусными гобеленами, на каменном полу ковры, резные столы с большими изысканными вазами... Всё залито оранжевым светом, сочащимся из высокого арочного окна слева, открытого нараспашку – снова закат!

Моё дыхание начинает заходиться, грудь высоко вздымается... Я слаба... Я так слаба, как может быть слаб только простуженный человек... Но мне уже знакомо это состояние, я его уже однажды переживала: в тот самый первый раз, когда Кайя так поступила... Но сейчас будто ещё хуже... Значит ли это, что мы переместились очень далеко? Или... Или что это значит? Что это на мне надето?.. Шёлковое платье – нет, не платье, а пеньюар на тонких бретельках, – шоколадного цвета... Да где же я?..

Я начала поспешно осматриваться по сторонам и вдруг... Настолько испугалась – не помню, когда в последний раз в своей металлической жизни я испытывала настоящий испуг, – что даже ахнула и чуть отпрянула назад: справа от меня, у стены рядом с выходом из незнакомой мне комнаты, на массивном резном стуле сидит огромный человек... Мужчина... Тот самый, который только что смутно снился мне в бреде, однако теперь я могу отчётливо различить черты его фигуры и лица: очень высокий – совсем как Борей! – одет в чёрные штаны и чёрную безрукавку с широким и высоким воротом, отчего его скрещённые на груди руки выглядят... Они выглядят устрашающе громадными! Неужели мускулатура массивнее, чем у Борей?!

Я встречаюсь с незнакомцем взглядом, и у меня сразу же перехватывает дыхание: глаза необычные! Таких у людей не бывает, а в последние полвека я не видела, чтобы люди носили цветные линзы... Его глаза серебристые с алым отблеском... Как... Как если бы в жидкий металл капнули пару капель крови... Он весь ощущается “острым”: густая чёрная борода подстрижена остро, брови выдают суровость своего носителя и даже уши кверху как будто чуть заострены...

– Где я?.. – мой голос совершенно неожиданно, предательски сипит, словно горло по-человечески простужено.

– Ты в башне...

Мне уже всё равно, где я, поэтому я перебиваю:

– Ты кто?..

– Я хозяин этого места. Меня зовут Багтасар Райхенвальд.

Багтасар... Райхенвальд...

Впервые слышу такое имя... В принципе... Таких имён и фамилий в Канаде не носят...

Пока он представлялся, я вдруг заметила ещё одну “острую” деталь его внешности: его зубы, то есть, конкретно клыки... Они... Как будто чуть длиннее, чем у *обычных* людей, и даже заострены...

– А как тебя зовут? – он будто бы старается говорить дружелюбно, но для моего слуха его голос звучит громоподобно. Точно рокочущий вдали гром...

– Диандра...

– Какое необычное, красивое имя.

Он точно старается выглядеть дружелюбным, но с его внешностью это даётся ему откровенно трудно. Мой взгляд цепляется за массивный кулон, висящий на его шее на широкой цепи – проломленный в области “третьего глаза” череп... Красноречивый... Кхм... Выбор ювелирного изделия... Впрочем, его одежда также нестандартна... Отдаёт каким-то... Средневековым...

Вспомнив об одежде, я снова смотрю на себя и отчего-то поспешно прикрываюсь одеялом, хотя шёлковый пеньюар на мне и выглядит вполне прилично, но всё же, это ведь пеньюар...

– Где... Где моя одежда?

– К сожалению, твоя одежда была в крайне плачевном состоянии: она порвалась и в буквальном смысле пришла в негодность, так что тебя пришлось переодеть...

Мои мысли всё ещё настолько затуманены, что больше похожи на кашу, отчего я пропускаю мимо ушей и этот момент... Да и всё равно, наверняка ведь переодевал меня не он, а кто-нибудь из тех, кто тут с ним живёт – его жена, например, или дочь...

– Это ты вытащил меня из воды?

– Верно. И сейчас тебе не о чем переживать: пока ты в моём доме, ты находишься в полной безопасности.

Безопасность!

– Кайя! И Борей... Где они? Они были со мной...

– Значит, твоих спутников зовут Кайя и Борей.

– Что с ними?!

– Они в полном порядке, насколько это возможно... Девушка всё ещё не пришла в себя, а мужчина всё ещё крушит наши леса.

Совсем как в прошлый раз!..

– Сколько часов прошло с тех пор, как мы оказались *здесь*? – я оглядываюсь, пытаюсь понять, что же это за место, но из-за странной обстановки в мою голову вдруг приходит только слово “замок”.

– Ровно двадцать четыре часа.

– Сколько?! – я не верю своим ушам.

– Ты провела без сознания одни сутки... – его взгляд вдруг врезается в меня с остротой меча, знающего вкус кровавых боёв. – Скажи, люди, прибывшие с тобой... Борей и Кайя – они твои враги? Если так, мы уничтожим их...

– Нет! – я едва не подпрыгнула на кровати, будто поверила в то, что некие *они*, о ком бы то речь ни шла, способны уничтожить Металлов. Какая чушь... Нужно взять себя в руки. – Они вовсе не враги, они со мной...

– Что ж... Хорошо. Тебе необходимо отдохнуть. Ты всё ещё слишком слаба, – с этими словами мужчина вдруг поднимается со стула, и я снова удивляюсь масштабу его габаритов... Надо же... Машинально натягиваю на себя одеяло едва ли не до самого подбородка. Что за... Да я ведь Металл! Он же, увидев это телодвижение, неожиданно будто слегка поклонился и произнёс совсем уж добродушным тоном: – Великолепная Диандра, ещё раз прошу тебя не переживать о своей безопасности в моём доме. Никто тебя здесь и пальцем не тронет. Пожалуйста, не спеши покидать постель, пока не отдохнёшь достаточно, чтобы найти в себе силы не бояться меня и мою семью. Надеюсь встретиться с тобой завтра, в более комфортной для тебя обстановке. До тех же пор я откланиваюсь.

Выйдя за порог комнаты, он закрыл за собой массивную деревянную дверь. Естественно, я сразу же попыталась подскочить на ноги, но стоило мне это сделать, как я сию же секунду пошатнулась всем телом – ничего себе слабость! Словно и вправду человек, а не Металл...

На дрожащих ногах, раскачиваясь из стороны в сторону, словно на беспокойной палубе во время шторма, я приблизилась к распахнутому окну и, выглянув в него, едва не обомлела: это что же... И вправду *настоящий* замок?! Каменный, высокий... Вид с такой высоты открывается потрясающий: за густой лесополосой распростирается кажущееся бескрайним водное пространство – или море, или же океан, – окрашенное в ярко-оранжевый свет спешащего зайти за горизонт солнца... Ни-че-го себе красота!.. Однако... Лес какой-то *другой*... Заметно отличается от привычных канадских видов...

Я снова неожиданно для себя пошатываюсь чуть вправо и только в этот момент замечаю, что мне не на шутку холодно... Посмотрев под ноги и поняв, что стою босыми ступнями на каменном полу – и когда я в последний раз *по-настоящему* мёрзла?! – я поспешно закрываю окно и спешу вернуться в постель, чтобы только лишь чуть-чуть погреться под одеялом, после чего сразу же отправиться на поиски подходящей одежды и...

...Я заснула. Сначала просто накрылась тяжёлым одеялом, затем лишь прилегла на невероятно мягкие шёлковые подушки, чтобы только одну минуту полежать для согревания, после чего уж наверняка проверить запёртость двери, да-да... Однако стоило мне прикрыть веки, и я не заметила, как провалилась в глубокий, целительный сон.

Глава 11

Я проснулась в девять часов утра: так говорили настольные механические часы с беззвучным маятником. Вспоминать, где я нахожусь, мне не пришлось: пугающе детализировано помню все пережитые события.

Сев в постели, с удовольствием потягиваюсь и прислушиваюсь к своему организму. На удивление, ощущаю в себе металлические силы: после первого “прыжка Кайи” я ощущала себя простуженным смертным человеком с неделю, не меньше, и даже боялась, не лишилась ли случайно своей металлической сути... Но сейчас всё будто бы иначе. То ли я выпалась здорово, то ли место здесь какое-то целительное, однако чувствую я себя определённо точно крепкой, хотя и немного голодной.

Покинув постель, приближаюсь к окну и распахиваю его настежь, чтобы убедиться в том, что мне не приснилось: я действительно ночевала в каком-то сказочном замке. Вид из окна головокружительный – интересно, за лесом распростирается море или всё же океан? Постояв немного перед открытым окном и насладившись не по-осеннему приветливым и только чуть прохладным ветерком, наполненным тонкими цветочными ароматами, я разворачиваюсь и начинаю осматривать комнату с пристальным вниманием. Ясно, что она расположена высоко, но что тут у нас ещё?.. Антикварная, массивная, резная мебель – письменный стол, стул более походивший на трон, ещё один такой же стул возле выхода, огромная кровать с балдахином из бархата... И главное: всё ухоженное, без намёка на старость и даже грамм пыли невозможно отыскать металлическим зрением. Интересный декор: винтажные вазы с искусной росписью; женский столик с зеркалом в резной деревянной раме; ещё одно зеркальце, только ручное и выполненное в металлическом обрамлении с завитушками; сюжетный витраж и сюжетные гобелены; часы-ходунки с римскими цифрами на циферблате; каменный пол устлан коврами, похожими на персидские: ходить по ним босыми ногами – сплошное удовольствие... Я прошла дальше и обнаружила ещё две комнаты за массивными деревянными дверями. Справа от кровати, рядом с выходом, располагалась необычная ванная комната, какая может быть только в замке: огромное пространство из камня, в котором, кажется, есть всё – открытый душ, унитаз за декоративной ширмой, винтажная ванна на передвижной платформе и, самое невероятное, купель, похожая на каменный мини-бассейн. В комнате есть окно с красивым сюжетным витражом... Справа от входа – широкое пространство, отведённое под каменную раковину, длинное зеркало в посеребрённом обрамлении и множество полок, заставленных разнообразными ароматическими средствами и стопками махровых полотенец... Я взяла в руки большой прозрачный флакон, наполненный золотистой жидкостью, и, вдохнув медовый аромат содержимого, непроизвольно прикрыла глаза... Должно быть, хозяйка этого волшебного замка пахнет цветами, и кожа её сияет на солнечном свете. Надо же... Роскошью, вроде ароматических масел и гелей для умывания в последний раз я наслаждалась до Падения Старого Мира, думала, что больше никогда не получу удовольствие от подобного великолепия. Удивительно, что до сих пор у кого-то подобных благ в избытке...

Выйдя из ванной, я заглядываю в ещё одну комнату, примыкающую к спальне – деревянная дверь в стене напротив выхода из ванной. Здесь находится просторная гардеробная – размером немногим меньше спальни, – обставленная массивными деревянными шкафами и стеллажами из тёмного дерева, а в центре огромный стол с застеклёнными полками, заставленными обувью... Одежда никогда не была для меня центром вселенной, так что в этой комнате я не задерживаюсь: осмотрев себя и понюхав руки, прихожу к выводу, что мне стоит смыть со своего тела не самый приятный для моего обоняния аромат соли и водорослей, так что отправляюсь в душ...

Честно говоря, я даже не предполагала, что вода в душе может оказаться горячей. В Павшем Море не только с электричеством неполадки... Я привыкла мыться в проточных водах рек, прорубях, в водопадах, в снегах и на крайний случай в старых душевых, давно забытых о существовании тёплой температуры воды. Для Металла подобные нюансы даже и проблемой не ощущаются – достаточно правильно выстроить температуру собственного тела, – но как же я, оказывается, всё это время недооценивала роскошь принятия горячего душа! Воды сколько угодно: лей не хочу! Поразительно, но я улыбалась до ушей, натирая себя новенькой мочалкой, ароматным мылом, ромашковым шампунем, ещё каким-то лосьоном... Я простояла под потоками тёплой воды почти час! Едва не пищала от кайфа – ничего себе! Вот это да!.. Просто... Чтобы понять состояние моего глубинного счастья в эти сладостные минуты, примите душ с водой теплее тридцати шести градусов... Вы обалдеете от счастья!

Наконец найдя в себе силы выйти из-под тёплого водопада, я с удовольствием вытираюсь огромным махровым полотенцем цвета топлёного молока, обматываюсь им же и, высушив волосы при помощи автоматической площадки для сушки тела – с ума сойти, она работает! волосы высыхают буквально за две минуты и послушно укладываются моим природным шёлком крупного локона! – перехожу в следующую комнату.

В гардеробной возникают непредвиденные проблемы. Честно говоря, такого подвоха я никак не ожидала... Я перерыла все полки всех шкафов и стеллажей, но кроме как бальных платьев на средневековый манер, таких же “средневековых” аксессуаров, обуви и прочих элементов гардероба ничего не нашла... Я как будто попала в шкаф какой-то принцессы, честное слово! Что же это такое?.. Однако голой оставаться не вариант, как и влезать в менее вычурные пеньюары, которые и могли бы походить на обыкновенные платья, но нет... В пеньюаре я точно не выйду.

Пришлось выбрать платье. Они все оказались “слишком” – габаритными, расшитыми, велико-леп-ны-ми... Да, они, безусловно, великолепны. Тонкая работа мастеров, я такой даже в Старом Море не видывала. В конце концов, я остановила своё внимание на атласном тёмно-сером платье с белой основой: юбка-купол до самого пола, вышивка серебристо-чёрным кружевом, приличное декольте... В этой комнате было широкое зеркало в полный рост, но я даже не взглянула в него, чтобы лишний раз не убеждаться в том, как бредово выгляжу... Как одна из тех кукол, о которых я мечтала в детстве и которые были не по карману моим слегка безразличным и оттого по-особенному хорошим родителям...

На ноги я надела серебристые балетки, локоны поправила руками – волосы снова слишком быстро отросли, нужно бы подстричься... И всё-таки в зеркало я так и не взглянула. Отчасти сыграла самоуверенность: я Металл – как волосы ни укладу, так и прекрасно, каким боком ни повернусь, тем и идеально, а строить из себя нечто лучшее, чем может представлять из себя Металл, – это уже как-то слишком...

Я спешила прочь из комнаты, потому что и так достаточно “раскачивалась”: необходимо найти Кайю и Борея. Да, этот Багтасар уверил меня, что с ними всё в порядке, и да, я почему-то поверила его словам, но на этом моё легкомыслие исчерпывает себя – мне нужна моя семья, немедленно.

Не знаю, что именно я рассчитывала увидеть, выйдя за порог комнаты – быть может, какой-нибудь зал или коридор, – но я оказалась на квадратной площадке, соединяющей отрезки винтовой лестницы. На металлической скорости я сначала проверила, куда именно уводит её верхняя часть, и практически сразу уперлась в тупик: по курлыканию голубей за закрытой деревянной дверью я сделала вывод, что дальше идёт чердачное помещение. Значит, моя комната и вправду расположена на верхотуре какой-то башни...

На металлической скорости я спустилась назад к площадке со своей дверью, подёргала её, но она уже оказалась закрытой. Я тяжело вздохнула, решив, что промахнулась с поспешным выходом, но вдруг заметила углубление в каменной кладке стены, гипотетически предназначенной для светильников или свечей: кто-то оставил ключ с запиской? Поспешно взяв их, я прочла выведенное витиеватым почерком послание:

“Когда покинешь свои покои, дверь автоматически закроется – защита от нежелательных гостей. Твой выход из покоев открыл сейф с ключом. Возьми его и никому не передавай. Он только твой.

Багтасар Р.”

Хм... Как интересно.

По каменной лестнице я спускалась с человеческой скоростью: в башне имеются окна, ступени хотя и винтовые, однако достаточно широкие и совершенно не скользкие, так что получилась прогулка налегке – пугать людей своей металлической сутью лучше не стоит. По крайней мере до тех пор, пока не воссоединюсь со своей семьёй.

Откровенно говоря, мне даже слегка понравилось тащиться по мраморной лестнице, освещённой естественным дневным светом, бьющим из высоких узких окон, чуть романтично приподнимать подол платья средневекового пошива – почти почувствовала себя королевой, чему даже мысленно улыбнулась. Ладно, один день можно и понаслаждаться столь редкой аутентичной атмосферой, а там уж снова в прыгну в привычные штаны, бейсболки, футболки...

Лестницу я миновала с детской – то есть с металлической – лёгкостью. И сразу же выпорхнула в просторный зал с высокими и широкими окнами, огромным камином и столами, за которыми сидели люди, моментально обратившие всё своё внимание на меня. Я не из стеснительных – мне без малого семьдесят девять лет, в конце концов, стеснительность в себе я уж давно растеряла, – однако под взглядами этих людей мне отчего-то стало не по себе... И я вдруг поняла, что дело не в людях... Точнее, на меня смотрят вовсе не люди! Я поняла это по самому странному из них: огромный мужчина, размером с Багтасара, сидит у самого ближнего стола – его рельефный торс не прикрыт одеждой, так что я сразу же поразилась его “особенности”... Он синий! То есть весь этот человек... У него совсем синяя кожа! Чёрные волосы, серебристые с красным отливом глаза – почти как у Багтасара, только меньше алого оттенка! – и, главное, выпирающие изо рта, массивные нижние клыки... Я могла бы подумать, что передо мной манекен, но... У него стучит сердце! Однако... Стучит не по-человечески... Совсем как у Борея или Кайи, или у меня... То есть... Как у Металла!..

Я с металлической скоростью и остротой зрения оцениваю остальных присутствующих. Первыми в глаза бросились необычные парни: один с длинными белоснежными, а второй с длинными красными дредами – должно быть, братья. Оба сильно татуированы, но... Татуировки ведь не держатся на Металлах, я знаю...

За соседним от “дредов” столиком сидят ещё двое: черноволосая тучная женщина с узким разрезом глаз и зеленоволосая девочка-подросток, выглядящая лет на трина-

дцать-четырнадцать от силы... В стороне, в сером платье, чуть похожем на моё, только с мятым эффектом юбки и белой вышивкой, стоит худая девушка с острыми чертами лица и такой же острой линией оголённых плеч, волосы длинные и цвета “серой белизны” – то есть, у сидящего парня дреды выглядят белоснежными, в то время как её волосы отливают лёгким налётом серости...

Все одеты похлеще моего – на женщинах пышные платья, на мужчинах средневековые костюмы... Только “синий” до штанов раздет... У всех без исключения нечеловеческая скорость сердцебиения...

Замешательство продлилось не дольше тридцати секунд. Первым заговорил “синий”. Встав со своего места, он с учтивой интонацией обратился ко мне тяжеловесным баритоном:

– Наконец Вы пришли в себя после долгого и утомительного путешествия... – он остановился, явно не зная, как обращаться ко мне.

– Диандра, – подсказала я, поняв, что их друг Багтасар не просветил их о моём имени.

– Диандра, – аккуратно повторил моё имя тот, кто на первый взгляд казался слишком неотёсанным, как для проявления аккуратности. – Меня зовут Проктор Рокбриджер, а это наше скромное сообщество, – он начал по очереди указывать на остальных присутствующих, и первым указал на уже приближающегося к нам парня с белыми дредами: – Джодок...

– Formidable! – парень неожиданно произнёс с французским акцентом. – Вы воистину великолепны, Диандра! – он взял мою правую ладонь и неожиданно поцеловал её... Стараясь не выдавать ошарашенности, я едва контролировала свою мимику.

– А это у нас Рагнхильд, сестра Джодока, – продолжал представление Проктор.

– Салют! – громко хмыкнула та, которую я сначала приняла за парня... Но на ней же не платье, а значит, женщины тут всё-таки ходят в штанах... Впрочем, стиль у всех одинаковый – “осовремененное средневековье”. Не уверена, что лучше: всё же красивое платье или вот такие вот штаны...

– Отталия, – Проктор указал рукой в сторону тучной женщины, смотрящей на меня неприятно-тяжёлым взглядом, – и Сольвейг, – девочка с тёмно-зелёным “рваным” каре и беспокойным взглядом-угольком... – А это...

– Моё имя Марен, – женщина не дала Проктору представить её, подав свой высокий голос, в тоне которого я распознала налёт неприязни... Странно, я ведь даже ничего не успела сделать... Вроде как...

– Я была не одна.

– Ты про своих спутников? – голос зеленоволосой девчонки зазвучал на высоких нотах. – Чокнутого здоровяка и сладенькой девчушки? Так мы их скушали...

– Прости Сольвейг, – моментально попросил прощение за поведение подростка Проктор, прежде чем я успела хоть как-то воспринять такое послание. – Сольвейг у нас “немного не в себе”.

– Да в себе я! – громко крикнув, девчонка задрала голову и выгнулась в кресле всем телом... Понятно, значит, и вправду у неё “не все дома”.

– Ты скоро увидишь своих друзей, не переживай, – Проктор будто старается то ли сгладить острые углы, то ли успокоить меня, а это не может не наталкивать на нервную мысль о том, что мне всё же есть из-за чего переживать, пусть я даже пока не уверена точно...

– А ты и вправду очень-очень красивенькая, – Сольвейг продолжает заливаться нервными нотками ломкого подросткового голоса. – У-у-ух, какая... Шоколадные волосы, покалывающие бёдра, пышная грудь, белоликая, курносая, пухлые алые губки и улыбка, должно быть, с ямочками... Марен, слышишь? Она определённо красивее тебя! Так-то она привлекательнее и Флорентины – ха-ха! Вот ведь наша мисс Гордыня обзавидуется!

– Сольвейг, держи себя в руках, – голос той, которую Проктор назвал Отталией, прозвучал тяжело, словно ей в горло свинца налили...

– Как тебе наша мода? – очевидно, Сольвейг никак не в силах сдержать себя от соблазна пообщаться с незнакомой личностью...

– Интересный дресс-код...

– Слышали? Она сказала “интересный”! Значит, всё не так уж и плохо, а то я думала, что мы тут совсем одичали...

– Да заткнись же ты, – процедила та, что представилась именем Марен, и в этой фразе отлично слышалось не столько её раздражение, сколько сама суть её натуры – склонность к злобе.

Я продолжала внимательно оценивать видимое и слышимое. У них у всех ярко выражены клыки... Но я не успеваю сосредоточиться на этой мысли, потому как замечаю тянущуюся в моём направлении руку Джодока – нахал хотел коснуться моего локона:

– Скажи, Диандра, ты ведь Металл?

Я перехватила его руку на подлёте с такой силой, что она хрустнула бы в запястье, если бы только была человеческой, но... Она не хрустнула.

Джодок довольно заулыбался, когда я отбросила его чудом не оторванную конечность в сторону, словно обглоданную кость.

– Не советую даже думать прикасаться ко мне без спроса, – мой тон звучит не враждебно, но предупреждающе-леденяще.

– Ха! – Сольвейг вдруг взрывается откровенным восторгом. – А Диандра-то с клыками! Она кусается!

– Прошу меня простить, прекрасная гостья... – Джодок заинтригованно улыбается.

Меня так и подмывает отвесить грубость наподобие: “Прекрасен тут у нас ты, ко мне же обращайся по имени”, – но я продолжаю сдерживать себя. По природе своей я совсем не раздражительна, так что здесь дело точно не во мне. Это они... С ними что-то не то. Вернее, с ними всё понятно: животный интерес, отсутствие манер и дружеского расположения, хотя... Мой взгляд снова возвращается к Проктору – энергетика этого заметно отличается. С ним и буду говорить:

– Прежде я не встречала подобных себе.

– Она и вправду Металл! – восторженно и так громко хлопает в ладони Джодок, что эхо поднимается к сводчатому потолку. – Но, прекрасная гостья, боюсь, мы не такие, как ты...

– Такие, – резко рычит Проктор, и в эту же секунду не только Джодок мгновенно затывается, но и остальные замирают. Ясно... Значит, у них здесь иерархия, и Проктор на вершине пищевой цепи. Это хорошо... Наверное. Тем временем Проктор продолжает говорить: – Мы тоже Металлы.

– Только с клыками, – вторит едва слышным хихиканьем Сольвейг, и её смешок ещё одним легкокрылым эхом поднимается к высоким сводам потолка.

Проктор, глядя на меня спокойным взглядом, невозмутимо пожимает широкими плечами, поясняя замечание Сольвейг о клыках:

– Такой тут климат.

– Тут это где?

– Понятно где, – вместо Проктора отзывается Отталия, с грохотом поставившая свою чашку на блюдце (и как не разбила?) – В Австралии.

В Австралии?! Она сказала... В Австралии?!

Кажется, мои глаза всё же выдали глубину моего удивления, потому что в следующую секунду Отталия с подозрением в тоне произносит:

– А ты не местная... Верно? Откуда тебя такую красивую *прибило* к нашим берегам? – и снова чашку громко на блюдце, чтоб то аж треснуло...

– Я... – я замираю, потому что... Не хочу рассказывать им о себе.

– Всё в порядке, – на помощь неожиданно приходит всё тот же единственный обладатель доброжелательной энергетики Проктор. – Тебе не обязательно отвечать на наши вопросы.

– Я бы предпочла, чтобы она ответила, – жёстко встревает Отталия.

– А я бы предпочёл, чтобы ты с вниманием отнеслась к словам Багтасара, а значит, с великим уважением отнеслась к его госте, – в ответ многозначительно рычит синекожий, и Отталия сразу же отступает, капитулирующе отпрянув на спинку своего огромного стула.

Значит... Я тут считаюсь гостьей Багтасара, к которой он попросил отнестись с “великим уважением”?..

– Багтасар он... Главный среди вас?

Я заметила: мой вопрос заставил Джодока отчётливо сжать зубы. Проктор же ответил спокойно:

– Всё верно.

Значит, я с первого раза всё правильно поняла: у них здесь действительно иерархия...

– Мне приятно с вами познакомиться, но я хочу поговорить с Багтасаром.

Стоит мне произнести эти слова, как все сразу же меняются в лицах, словно... Нашкодившие котята, благоговейно опасующиеся тяжёлого тапка хозяина... Или мне только показалось?..

И лишь Проктор остался спокоен:

– Хорошо... Если желаешь, можешь пока прогуляться по саду. Мы передадим Багтасару твою просьбу об аудиенции – о чём?.. – и, думаю, он скоро присоединится к тебе.

– Хорошо, – я стараюсь дышать ровно, чтобы не выдавать своё беспокойство.

– В сад можно попасть, пройдя по коридору прямо, – Проктор указывает в сторону коридора, начинающегося в противоположном конце зала.

В ответ сделав лишь едва уловимый кивок головой, я с металлической уверенностью прохожу мимо тех, кому определённо точно не понравилась и кто не понравился мне также. Ладно уж, не срослось так не срослось: не жить же мне с ними под одной крышей... Вот воссоединюсь с Бореем и Кайей, и, поблагодарив за аренду красивого наряда, уйду куда подальше... И всё же: Австралия! Металлы! Мне это не снится?!..

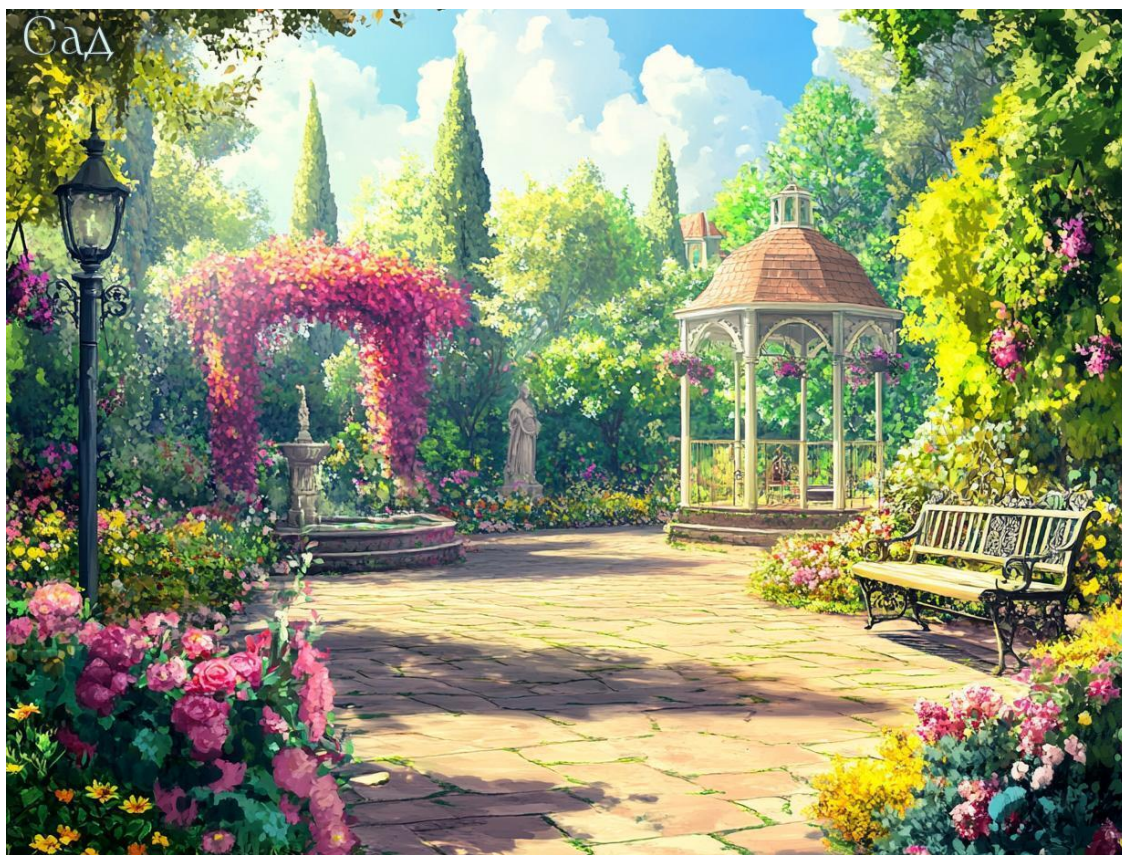
Коридор оказался сквозным: с одной стороны – справа – стена замка, с другой – слева – за широкими арочными рамами без стёкол – огромный, головокружительно цветущий и волшебного благоухающий сад, красоту которого мне удаётся оценить далеко не сразу: необходимость контроля сердцебиения в условиях общения с себе подобными, то есть с Металлами – стратегия, которую нельзя недооценивать. Я невозмутима. Не: “Ого, Австралия, Металлы!”. А: “Пф, всего лишь Австралия, всего лишь Металлы...”.

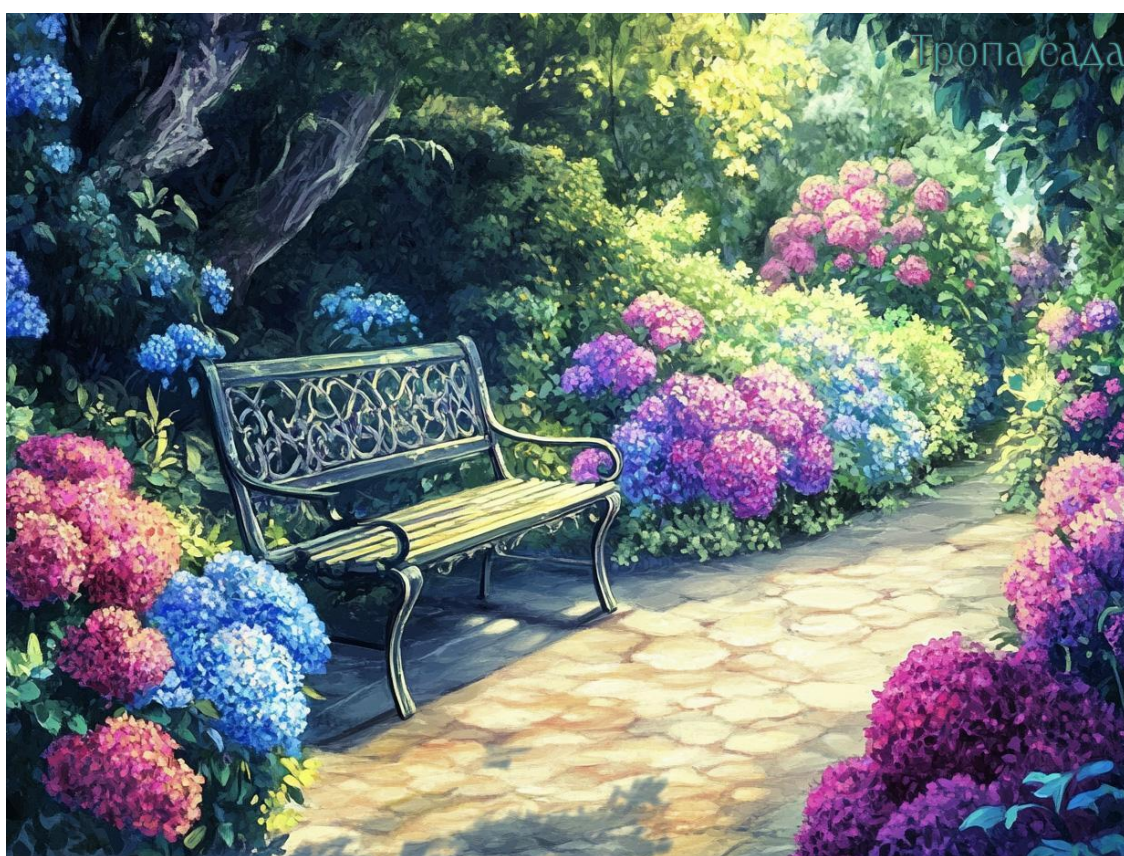
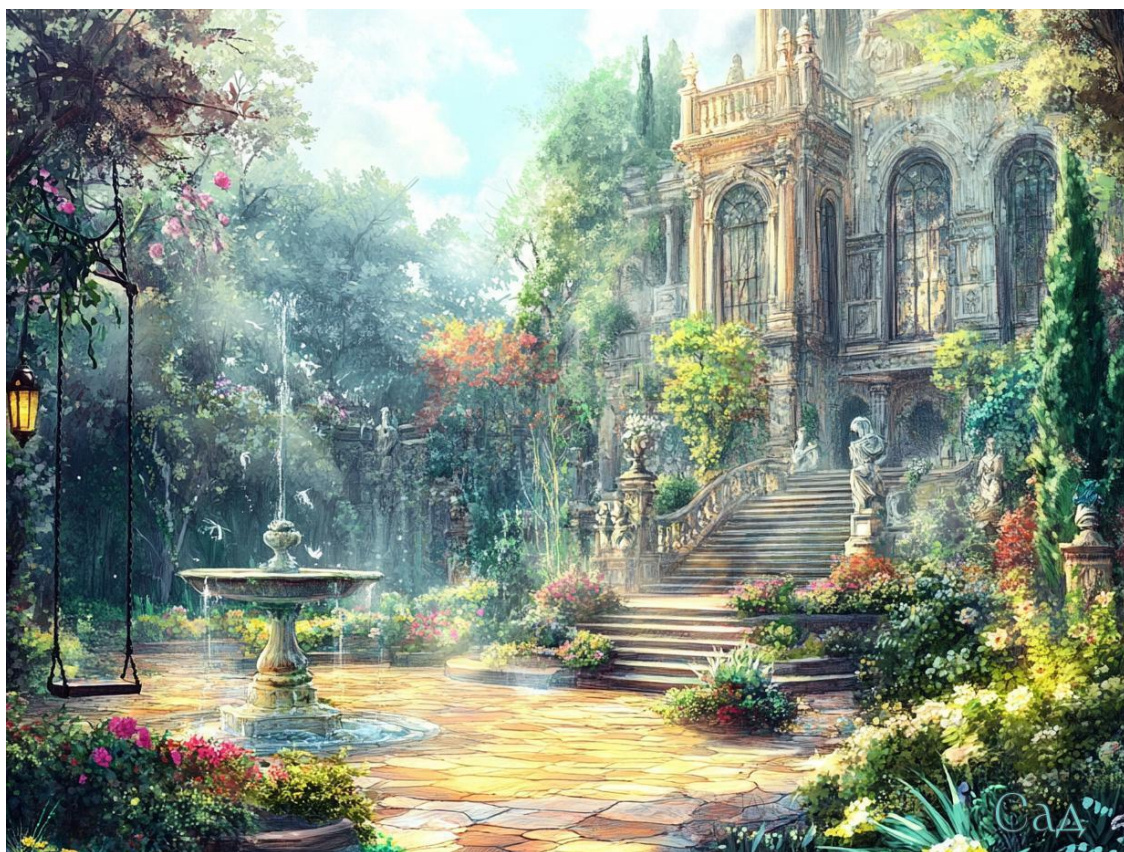
Их много, я же всё ещё одна, но даже когда – не если! – я снова объединю наше металлическое трио – я-Борей-Кайя, – всё равно нас будет меньше... Да ведь эти люди – то есть, Металлы, – спасли нас! Чего же я тогда... Всё хорошо. Просто конкретно это знакомство не задалось...

Глава 12

На улице мне становится значительно лучше: солнечные лучи приятно ласкают кожу, ветер почти неуловим, красота в округе невероятная... Я даже замираю, рассматривая сначала фасады Дворца: до глубины души потрясающее величие искусства архитектуры! Однако почти сразу моё внимание сосредотачивается не на камне, а на живой природе. Я вышла в парк... Такой ухоженный и благоухающий, что от лицезрения всех растительных красот перехватывает дыхание. Интересно, сколько здесь видов растений и кто за ними всеми ухаживает? Кусты самшита впечатляют фигурной стрижкой, красная фотиния стоит одинокой красавицей, дальше деревья, названий которых я не знаю, и очень много клумб с цветами, готовящимися к первому дыханию осени... А розы – сколько же здесь видов роз?! должно быть, не меньше двух десятков! – некоторые всё ещё цветут буйными бутонами: и кустарниковые, и одинокие, и древесные...

Заворожённно рассматривая всё это буйство красок, я не замечаю, как начинаю уходить всё дальше и дальше от замка, петлять по гравийным и мозаичным тропинкам, по импрови-

зированным лабиринтам, и в итоге, завернув за очередной куст, внезапно встречаюсь с двумя занятыми личностями. Считаю сердцебиение обоих, я мгновенно понимаю, что передо мной находятся Металлы, и они, к моему удивлению, также сразу понимают, кто я такая.

Первой из двух Металлов меня замечает девушка: невысокого роста, белокожая и с тёмными дредами синего отлива – причёска сразу же наталкивает меня на мысль о её возможном родстве с Джодоком и Рагнхильд. На лбу над правым виском у неё располагается подобие тату – быть может, смывающаяся краска? – в виде трёх линий, одна из которых – центральная – через бровь достаёт почти до самого века, серебристые глаза с синеватым отливом густо подведены чёрной краской, под правым глазом выходящей на щеку тремя линиями, губы накрашены тёмно-синей помадой... В ушах массивные готические серьги, и вообще вся дополнительная атрибутика на ней с “рокерским” характером, и одета она не в бальное платье – в чёрную безрукавку и мешковатые штаны, на руках длинные перчатки без пальцев. На вид ей лет семнадцать-восемнадцать, не больше...

В целом, я успела в полной мере оценить внешний вид этой неординарной личности, прежде чем она заговорила:

– Шакролин, у нас гости, – она стукнула ручкой садовых ножниц по спине своего спутника, копающегося в земле.

В этот момент мужчина оторвался от своего дела и обратился ко мне лицом. Я замерла от увиденного... Его лицо было... Сильно изуродованным. То есть... Правая часть лица будто прожжена до самого черепа, который не белый... То есть, не костный... Металлический...

Когда он выпрямился, я смогла оценить и его габариты: очень высокий, можно даже сказать, долговязый, и элегантно худощавый... По сохранившейся части лица я попробовала установить его примерный возраст, но так и не смогла определиться с цифрой: точно немолодой, может даже старше пятидесяти лет... Однако седина практически не коснулась тёмных волос... Одет в белый костюм, украшенным странными цепочками и шестерёнками – настоящий стимпанк-джентльмен!

Я постаралась не пялиться на него, поэтому сразу же перевела взгляд на девушку. Она же, в свою очередь, приблизилась на металлической скорости и резко протянула мне руку:

– Рея Рений, рада знакомству, а ты...

– Просто Диандра, – уже пожимая руку, произношу я.

Рений, значит... Переходный металл седьмой группы...

– Просто Диандра, значит, – хмыкает девушка, и я считываю позитивную энергетику её поля. – Ты не просто Диандра... Ты Диандра, свалившаяся на наши головы с небес. И ты Металл... Знаешь, как узнали? – в ответ я только веду бровью. – Из твоего носа сочилась металлическая кровь. Плюс металлический ритм сердцебиения. Ну и бонусом: ты не померла, сорвавшись с внушительной высоты...

Рея обладает дерзкой улыбкой. Ясно. С такими девушками не становятся “подружками” – с такими становятся “закадычными друзьями”, если есть смелость рискнуть целостностью носа...

К нам наконец, на скромной человеческой скорости, приближается её друг. Прижав к груди свою шляпу, он заговаривает мягким тоном, выдающим добрую душу:

– Тиберий Ванадий Шакролин, очень приятно познакомиться, – он всерьёз кланяется...

Что я знаю о Ванадии? Также переходный металл, а больше и ничего... Всё-таки не дочитала я таблицу Менделеева Борею на ночь вместо сказок...

– Приятно познакомиться, – также мягким, доброжелательным тоном произношу я, чуть наклоняя голову.

А вот это уже выглядит очень даже неплохо... Может, всё-таки не растеряла я навыки нормального общения с людьми, а значит, смогу поладить и с Металлами... Хотя бы с кем-то...

– У вас чудесные сады. А ваши розы, – мой взгляд падает на огромный куст белых роз, буйно цветущий справа от нас, – они великолепны, – я изо всех сил стараюсь не разглядывать Тиберия, чтобы не смущать его, но отмечаю, что его здоровый глаз также серебристый с красноватым отливом, который не так ярко выражен, как у всех остальных, кроме Реи, у которой красного оттенка и вовсе будто нет...

– Наши сады – это достижение Шакролина, – довольно улыбается Рея, кивая на своего друга.

– Так вы садовник, – продолжаю аккуратно щупать почву я, хотя уже и понимаю, что эти двое определённо точно настроены дружелюбно.

– Один из множества талантов нашего Ванадия, – Рея по-дружески развязно шлёпает своего друга по плечу и в следующую секунду шуточно толкает его в бок локтем, переходя на наигранный шёпот: – Послушай, дружище, а она ведь и вправду “ничего”, как *все* и говорили... Шоколадноволосых у нас ещё не было.

Я улыбаюсь этой шутке, но сразу же замечаю смущение Ванадия. В этот же момент он встречается со мной действительно смущённым взглядом и произносит:

– Извиняюсь, прекрасная гостья. Я не хочу вас пугать или же смущать своей внешностью.

– Ну что вы, что вы... – я пытаюсь выровнять эту лодку, но Ванадий уже спешит пройти мимо меня.

– Мы обязательно увидимся ещё, когда вы... Когда вы свыкнетесь...

Завернул за угол и поспешил прочь.

Я резко возвращаю свой взгляд к Рее – она устремляется за другом:

– Дело не в тебе – дело в нём: Ванадий у нас законченный эмпат. Ещё встретимся, шоколадноволосая...

Она задорно улыбается, и я искренне ухмыляюсь в ответ:

– Твои дреды тоже ничего... – я не договорила. Обернувшись, чтобы проводить взглядом девчонку, которая уже завернула за высокий куст, я едва не поймала испуг от огромной фигуры, облачённой в чёрную одежду. Это был Багтасар. Он смотрел на меня красно-серебристыми глазами... Как давно?..

Глава 13

Теперь я поняла: Тиберий и Рея поспешили уйти из-за прихода Багтасара, которого я не слышала... Впредь стоит быть внимательнее: металлический слух отключать не следует.

Я развернулась всем телом к новому собеседнику, Багтасар же приблизился и остановился всего в трёх шагах передо мной. Огромный и высокий, он не оставляет иного выбора, кроме как смотреть на него снизу вверх.

Я уже хотела поприветствовать его, как вдруг... Он на металлической скорости сократил расстояние между нами до ноля, схватил меня правой рукой за шею сзади и с силой впился в мои губы... Моё сердце едва не выпрыгнуло из груди в эту же секунду, ноги отчего-то вдруг задрожали и чуть не подкосились, руки разметались, он же целовал всё напористее и уже проник своим настойчивым языком в мой рот... У меня перехватило дыхание, но и задышавшись я ахнула, пытаюсь оттолкнуть его, однако он оказался значительно сильнее – как такое возможно, чтобы кто-то обладал силой, больше моей?!

Я чувствовала его терпкий аромат, чувствовала, как его сильные пальцы, удерживающие мою голову, скользят по корням моих волос... Кажется, внизу моего живота сошли с ума рои фантомных бабочек... Пока я отпиралась, поцелуй становился лишь настойчивее и глубже... Я укусила его! В нижнюю губу! И стоило ему отпрянуть, но не убрать правую руку с моей талии, как я с такой силой – с металлической! – врезала ему звучную пощёчину, что обычный человек на его месте сразу бы испустил дух, а он... У него лишь треснул уголок губы – я увидела капельку металлической крови... Уверена, в моих глазах в этот момент плескалась запредельная ярость!

Я моргнула...

Что за...

Я стою в саду... Рея только что ушла вместе с Тиберием... Да, точно... И кто-то пришёл вместо них? Я начинаю быстро моргать... Прямо передо мной, всего в пяти шагах стоит Багтасар. Я снова поспешно моргаю и непроизвольно хмурюсь... Когда он успел прийти? И почему я не заметила его прихода? Впредь стоит быть внимательнее: металлический слух отключать не следует. Но... Кажется, я уже что-то подобное думала... Так, заново... Рея с Тиберием ушли, я повернулась и увидела Багтасара, и потом моргнула как-то очень долго, а когда открыла глаза, снова увидела Багтасара... Получается, чрезмерно протяжно моргнула, когда же мои глаза были закрыты, я видела... Точнее, не видела... Точно не видела ничего, кроме какой-то очень густой темноты... Уход Реи → появление Багтасара, и между этими двумя событиями... Чёрная пелена перед глазами.

– С тобой всё в порядке? – Багтасар приблизился ко мне медленным шагом и аккуратно взял меня под локоть, словно поддерживая.

В этот момент я поняла, что со мной действительно что-то не в порядке: ноги как будто дрожат, внизу живота странное ощущение, словно пение крови, дыхание сбито, грудная клетка вздымается, будто я только что бегала, а не стояла на месте, и правая ладонь... Я смотрю на неё... Она гудит, как если бы я на неё упала или врезалась бы ею во что-то твёрдое, вроде скалы...

Я снова замириваюсь...

– Диандра, кажется, тебе лучше присесть, – не отпуская мой локоть, Багтасар подводит меня к расположенной рядом белоснежной лавочке... Мы одновременно садимся на неё.

Моё дыхание всё ещё сбито, мне сложно его настроить, пульс словно с цепи сорвался...

– Эй, – Багтасар вдруг убирает густую прядь моих волос за моё левое ухо – жест, за который ещё совсем недавно я едва не оторвала руку Джодоку. Но в этом моменте я отчего-то не рычу – я просто... Тяжело дышу. – Всё хорошо? – он заглядывает в мои глаза... Как-то очень близко, его аромат будто дурманит ещё сильнее, давит на меня, отчего дышать становится лишь сложнее... Я резко отстраняюсь.

– Прости...

– Не извиняйся, это я виноват, – утверждает он и, сразу же поймав на себе мой непонимающий взгляд, поясняет: – Не стоило отпускать тебя с постельного режима.

– Я не пятилетняя девочка, чтобы мной командовать, – я слегка ухмыляюсь, чтобы разрядить обстановку, и, кажется, у меня получается, потому что мой собеседник улыбается в ответ. В этот момент мой взгляд привлекает его нижняя губа, а точнее – свежий кровоподтёк в левом нижнем уголке. Я улыбаюсь ещё шире: – Ты что же, имеешь вредную привычку кусать губы? У Кайи была такая в детстве... Знаешь, как получилось отучить? Натиранием чеснока... Не смотри на меня так, я, может, и тиран, но не законченный: она сама решилась на крайнюю меру, чтобы отучиться...

Я украдкой кладу пальцы левой руки на своё правое запястье, чтобы попробовать сосредоточиться на пульсе – быть может, таким образом получится скорее успокоиться... Похоже на паническую атаку, но... Металлы ведь не подвержены паническим атакам. Или я чего-то не знаю?..

– Быть может, тебе стоит вернуться в постель?

Я отчего-то не нахожу в себе сил смотреть на своего собеседника:

– Нет, лучше наоборот... Подышать свежим воздухом, знаешь... Могло быть и хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Это всё из-за неудачного приземления... Я правда провела без сознания целые сутки? – на сей раз я заставляю себя посмотреть прямо в его глаза. Он сидит слишком близко... Не потому, что прижимается ко мне, вовсе нет, просто эта треклятая лавка слишком узкая...

– Да, ты провела без сознания двадцать четыре часа. Думаю, дело в том, что ты неудачно наглоталась океанской воды, – значит, мы вблизи океана, а не моря. – Долгое утопание не может пройти бесследно даже для Металла...

Какие у него глаза необычные! Разящие – самое подходящее слово...

– Это ты вытащил меня из воды? – я нервно сглатываю, стараясь сохранять спокойствие, но что-то внутри меня шевелится, такое нервное, бурлящее, не позволяющее обуздать пульс...

– Я стоял на балконе своих покоев, когда увидел твой небесный полёт...

Я с чего-то вдруг отвожу взгляд первой... Какая же тесная эта лавка! Нужно подняться с неё – срочно!

Стоит мне встать на ноги и направиться к тропинке, выделанной из прессованных, очень мелких белых камушков, как Багтасар сразу же следует за мной. Поняв, что, должно быть, мой резкий подъём и отход в сторону мог показаться грубоватым, я думаю, что же мне сказать, чтобы наконец разрядить обстановку, как вдруг ситуацию спасает сам Багтасар:

– Тебе стоит расслабиться – так быстрее отпустит.

– Странно это, – я почти улыбаюсь. – Металлы ведь не болеют.

– Нет, не болеют. Но посмотри на это с другой стороны.

Он сумел меня заинтриговать – я уже смотрю на него, заинтересованно приподняв одну бровь, и он продолжает:

– Металл не каждый день может позволить себе роскошь наслаждения собственной слабостью.

– Держу пари, ты этой роскоши вовсе не знаешь.

– Не знал ровно столько, сколько являюсь Металлом, но совсем недавно я решил отпустить контроль и в первый раз поддаться искушению собственной слабости.

– Понравилось? – я почти улыбаюсь.

Поймав на себе мой озорной взгляд, он свободно улыбается в ответ, но в этот же момент я отвожу свой взгляд, пока он отвечает:

– Было до безумия вкусно.

– Значит, ты сладкоежка, и твоя слабость – сладость.

– Вернее будет сказать, что я гурман, и да, я уверен в том, что один-единственный вид сладости совсем недавно стал моей персональной слабостью.

– О чём же речь? – я снова смотрю на него, но на сей раз он не смотрит на меня.

– Тебе лучше не знать...

– У всех свои тайны, – понимающе улыбаюсь я. – А можно...

– Что? – он снова смотрит в мои глаза, так что взгляд снова отвожу я.

– Можно спросить?

– Всё что угодно, великолепная Диандра.

Словосочетание “великолепная Диандра”, произносимое столь низким тоном, неожиданно и совершенно необъяснимо вызывает у меня... Смушение? Я стараюсь не подавать вида и даже опасаясь, как бы моя маска холодной отстранённости вдруг не треснула...

– Я хотела спросить о твоих... То есть о *ваших* клыках.

– Клыки – наша местная физиологическая особенность. У тебя клыков нет, и более того, тебя удивляет их наличие у нас. Ты не из Австралии, верно?

Если хочешь что-то брать – для начала научись давать. Я хочу заполучить расположение хозяина этого места, но, оставаясь закрытой книгой, я лишь спровоцирую ответное закрытие целой библиотеки, так что я решаюсь начать аккуратно отвечать на вопросы о себе...

– Я из Канады.

Багтасар резко останавливается, и я вместе с ним. Теперь мы смотрим друг на друга.

– Канада? Это очень далеко, Диандра. Как же ты... – он не договаривает вопрос, видимо, обратив внимание на мои сжавшиеся пальцы – всё равно что поджатые губы, не желающие говорить. – Скажи, в Канаде действительно бушуют Атаки?

– Действительно. Значит, всему миру известно, что происходит за Великой Канадской Стеной.

– Быть может, не всему, – он снова начинает идти, и я рядом с ним, отмечая его задумчивость, которая расслабляет мою нервозность, что способствует развитию непринуждённого разговора. Тем временем Багтасар продолжает свободно говорить: – По нашей информации, территория всей Европы и Азии, Африки и Южной Америки поражены Сталью. Северная Америка поражена частично: за Канадской Стеной свирепствуют Атаки. В целом, информация по Северной и Южной Америке неоднозначна: у нас есть основания подозревать, будто Атаки сошли с рельсов и распространились по этим двум континентам, таким образом вытеснив Сталь, однако эта информация всё ещё сомнительна и полного доверия не вызывает. Ты можешь просветить меня в этом вопросе.

– Оу... Прости, но я... Я действительно очень хотела бы помочь тебе узнать и без сомнений поделилась бы с тобой интересующей тебя информацией, но я ничего не знаю о том, что сейчас происходит за пределами канадских земель. Дело в том, что мы попали к вам напрямую из Канады, а в других землях даже не бывали. Я даже не знала до сих пор, правдивы ли слухи о Стали или же это лишь выдумки.

– К великому сожалению, Сталь реальна так же, как реальны Атаки.

– А что же Австралия? Она тоже поражена Сталью?

– Нет, в Австралии Стали нет: повлияло полное отсутствие воздушной и водной транспортной связи с иными материками в последние месяцы года Падения Старого Мира.

– Ещё есть Антарктида.

– Не только Антарктида, но и множество островов: крупные и мелкие, тонущие и процветающие. Об этих территориях нам, к сожалению, также почти ничего не известно.

Я успела озариться надеждой:

– Значит... – у меня даже перехватило дыхание! – Австралия цела? – я едва не подпрыгнула при широком шаге. – Здесь всё ещё процветает человеческая цивилизация? Мир на этом материке не рухнул?!..

Перед глазами пронеслись вспышки мира, с которым я уже успела распрощаться навсегда: интернет, мобильная связь, бесперебойное электричество и горячая вода, кинотеатры и кафетерии, живые города, музыка...

– Австралия пала от иной напасти, – он срубил мечом мою самую яркую надежду едва ли не за все последние полвека моей металлической жизни. Жестоко!

– Что же произошло?.. – я не сдержалась в откровенности своего разочарования.

– Вампрагма. Простым словом – кровопитие. Порождение Стали – Блуждающие, поедающие плоть; порождение Вампрагмы – Вампы, питающиеся кровью. Металлы обуздали безумную жажду, но люди не смогли. Территория Австралии сейчас являет собой полигон выживания людей в царстве кровососов. Клыки, – он слегка оскалился, – пусть не смущают тебя. Они лишь напоминание о проклятии этих земель.

Мне показалось, что он произнёс последние слова с затаённой и очень глубокой печалью, наверное, поэтому я пошла на поводу своей природной эмпатичности и вдруг произнесла, не подумав:

– Тебе идут клыки.

– Правда? – в его тоне отразилось удивление, смешанное с улыбкой и ещё какой-то эмоцией, трактовку которой я не смогла найти в моменте...

– Прости, – я встряхнула головой, – не знаю, зачем я так сказала... Хотя нет, вообще-то, знаю. Просто мне показалось, что ты расстроен “проклятием”, якобы нашедшем отражение и в твоей внешности, и мне захотелось тебя поддержать. Знаешь, бывает, что то, что люди или Металлы зовут проклятием, на самом деле являет собой хорошо замаскированное благословение.

– Ты добра. Дар доброты – редкость. Тем более среди Металлов.

– Тем более? – я с неподдельным интересом взглянула на лицо собеседника, которое можно было описать многими прилагательными, но точно не тем, что назвало бы сей лик принадлежащим доброму человеку. То есть, Металлу...

Он ответил на выдохе:

– Долгая жизнь притупляет многие порывы, даже самые добрые.

– Порой только добрые и притупляет.

– Это точно.

Мне, вроде, полегчало. Багтасар оказался приятным собеседником, благодаря чему наш диалог не просто удаётся, а словно льётся сам собой, своеобразной безмятежной рекой... К тому же, он свободно делится информацией, ничего не зажимает и ничего не опасается, как я, но мы и в разных положениях: он здесь уверенный в себе хозяин, а я случайно мимо проходящий гость...

Должно быть, я не заметила, как слишком глубоко погрузилась в свои размышления о том, как всё необычно складывается, потому что Багтасар вдруг прервал молчание:

– Ты можешь продолжать спрашивать у меня обо всём – я отвечу.

Его готовность “распахивать передо мной все двери”, безусловно, подкупает, и подкупает настолько, что чем дольше мы общаемся, тем спокойнее я себя ощущаю в его присутствии, хотя, казалось бы, не миновало и десяти минут нашей неспешной прогулки.

– Я хочу увидеть Борея и Кайю.

– Никто не препятствует вашему воссоединению. Только есть пара нюансов... – прежде чем я успеваю напрячься, он поясняет: – Борей всё ещё бушует на севере – крушит лес нижних ярусов. Мои люди следят за ним, чтобы не допускать его ярость к территории Дворца. Что же касается Кайи: она всё ещё не пришла в себя. Ты можешь навестить её прямо сейчас.

– Да, я хочу этого, – у меня отчётливо дрогнуло сердце. Моя Кайя...

– Хорошо, мы как раз идём в направлении её уединённых покоев. Не переживай о ней: за её состоянием внимательно следят самые сведущие из моих людей. Они говорят, что Кайя скоро очнётся, когда восстановит свои силы.

– Прости за Борей... Твой северный лес пострадает.

– Не волнуйся и об этом. Лес есть лес – на месте лесоповала родится новая экосистема и не пройдёт и одного десятилетия, как на пустырях вырастут новые деревья, – его желание одарить меня состоянием спокойствия подкупает даже больше, чем его открытость. – Ты, Борей и Кайя – вы семья?

– Да, мы семья.

– Борей, он твой муж? А Кайя, она... Ваша дочь? Или, быть может, сестра?

– Нет-нет, – я с улыбкой отрицательно замотала головой. – Всё совсем не так. Борей мой сын, а Кайя... Можно сказать, что она мой приёмный ребёнок, но это будет не совсем верно. Скорее, мы больше как верные подруги.

– Откровенно говоря, я удивлён узнать о том, что Борей является твоим сыном.

– Почему?

– Вы совсем не похожи.

Быть может, это первый случай, когда разговор о Борее в таком ключе вызывает меня на смех:

– На самом деле Борей совсем не такой, каким вам посчастливилось увидеть его впервые. В состоянии спокойствия он добр и очень красив собой – почти точная копия своего отца. Просто в безумной форме – форме Маршала, в которой он не контролирует закипающую в нём ярость – он такой... Пугающий.

– Скажи, помимо вас троих в мире есть ещё Металлы?

– Честно говоря, до встречи с вами я считала, что мы втроём – единственные в своём роде.

– Каким образом вы переродились из людей в Металлов?

– Должно быть, тем же, что и вы.

– У вас были вакцины.

– Верно.

– Сколько?

– Всего четыре. А у вас?

– Значительно больше.

– Да, я уже поняла. Уверена, ты знаешь, но я всё равно скажу: твой дом невероятно красив.

– Дворец построен на полуострове одним гениальным человеком...

– Гидеон Роул, ведь так? И у дворца этого есть имя, он зовётся: Дворец Вамп.

Багтасар даже остановился от силы своего удивления:

– Тебе кто-то из *моих* рассказал?

Я улыбнулась, довольная тем, что в этом занятом разговоре сумела не только удивиться, но и удивить:

– Нет, я сама знаю.

– Откуда?

– Я жила во времена строительства этого дворца и знаю, что Дворец Вамп строил Гидеон Роул, а также знаю, что ты точно не он, потому как видела его фотографии в глянцевых журналах. Глянцевые журналы – это такие...

– Я знаю, что такое глянцевые журналы.

– Вот как? – недоверительно приподнимаю бровь я. – Обычно рождённые после Падения Старого Мира мало знают о Павшем Мире.

– С чего ты взяла, что я родился после Падения Старого Мира?

И вправду: с чего?

– Ну, твой возраст указывает на то, что ты мог родиться после Падения.

– Твой же и вовсе говорит, что ты родилась на свет позавчера.

В ответ на такое заявление я неконтролируемо брызнула смехом, таким образом неосознанно вторя его улыбке:

– Ты прав.

– Я удивлю тебя, великолепная Диандра, однако я не только видел Старый Мир, но сейчас уже уверен в том, что я старше тебя.

– Этого не может быть! – теперь я откровенно смеюсь. Меня продолжают подкупать вновь открываемые достоинства этого могучего Металла: если он жил во времена до Первой Атаки, значит, он может разделить мою ностальгию и печаль от утраты того прекрасного, навсегда потерянного мира. Надо же! С ним всё интереснее и интереснее... – Сколько же тебе лет, Баг-тасар Райхенвальд?

– Я обратился в Металл в возрасте сорока пяти лет.

– Сорок пять?!

– Что-о-о? – он протягивает вопрос с широкой усмешкой.

– Ты старый!

– Ещё какой! Ведь Металлом я хожу уже пятьдесят четыре года.

– Нет!

– Да! И таким образом выходит, что мне в этом году исполняется девяносто девять лет.

– Не может того быть!

– И тем не менее, вот он я, прямо перед тобой. Что же насчёт тебя?

– Что ж, я обратилась в Металл в возрасте двадцати пяти лет...

– Так ты сущее дитя...

– Что-о-о? Не-е-ет! Ты ещё не знаешь моего полного возраста! Двадцать пять плюс пятьдесят четыре – семьдесят девять лет в этом году будет!

– Лишь на двадцать лет младше меня.

– ЛИШЬ на двадцать?! Да это ведь ЦЕЛЫХ двадцать лет! Бездонная пропасть, старче!

В какой момент я начала откровенно, безо всякой зажатости, с такой лёгкостью смеяться? В какой момент начал смеяться он? И кто первым это затеял... Я не знаю, но в моменте мне не то чтобы понравилось, но было так легко, что я даже не замечала происходящего, пока он вдруг не смутил меня следующим высказыванием:

– У тебя такой озорной, заразительный смех... И ямочки на щеках во время улыбки.

Уверена: за всю свою металлическую жизнь я ни разу до сих пор не переживала эмоцию *такого* смущения. Оно – смущение – налетело на меня всей своей мощью так внезапно, что неожиданностью своей будто повязало мои голосовые связки – полное отсутствие возможности ответить хоть что-то толковое...

Мы замолкаем, и я начинаю переживать внутри себя интересную гамму эмоций: удивление оттого, что в разных частях света произошли разные сценарии Падения Старого Мира; радость оттого, что в мире ещё есть кто-то кроме меня помнящий Старый Мир в полном объёме его красок; признание опыта собеседника и его способности вызывать неподдельный интерес.

Мы продолжаем спокойно идти вперёд по тропинке. Молчание отчётливо затянулось, так что мысленно я начинаю судорожно искать в своей голове возможные темы для разговора, чтобы тугая тишина окончательно не перетекла в стадию неловкости, ведь я никак не ответила на его комплимент, хотя, быть может, моё смущение, если он смог его считать с моей ауры и мимики, можно воспринимать за ответ...

Мой взгляд цепляется за пряжку его ремня – ещё один череп с проломом в области третьего глаза. И... Край татуировки виднеется из-под широких чёрных напульсников.

– У некоторых здешних Металлов я заметила татуировки, – начинаю издалека я. – Прежде я думала, что набить татуировку на тело Металла невозможно.

– Вот как? – в его тоне звучит откровенная заинтересованность. – Ты пробовала?

– Не я. Борей. Чернила совсем не держатся – выцветают спустя несколько дней.

– Набить долговечную татуировку можно, но не чернилами. Вместо чернил необходимо использовать собственную кровь.

– Хм, вот как?... Интересно... В используемой тобой атрибутике присутствуют... Проломленные черепа. Они что-то значат?

– Моё символическое имя: Череполом.

– Что значит “символическое” имя?

– Имя, дающееся за определённый дар, черту или заслугу.

– Ты что же, черепа ломаешь? – я ухмыльнулась, но внутри себя отметила ощутимое напряжение от этого внезапного вопроса.

– Ты когда-нибудь встречалась с врагами вроде Блуждающих или Вампов?

– Нет... Только трапперы и фанатики Новой Веры. Это Уязвимые, которые охотятся на Неуязвимых и Исключительных ради артефактов и жертвоприношений...

– Занимательно.

– Значит, твоё символическое имя связано с крушением Вампов?

– Верно.

– Череполом... Звучит... Грозно.

– Своё символическое имя ты также обретёшь по своему дару.

Я вновь отвечаю с откровенной улыбкой:

– Обрету символическое имя? Я ещё даже не определилась, хочу ли остаться...

Он неожиданно перебивает меня:

– Почему нет? – в его тоне отчётливо слышится внезапная нота неподдельного напряжения, которая меня слегка удивляет. – Тебе есть куда идти или же тебя кто-то ждёт?

Он не притворяется – его всерьёз взволновало моё признание в своём состоянии неопределённости. В ответ же на это внутри меня смешались странные и совершенно непонятные мне эмоции. Я бы сказала, что мне в эту секунду отчего-то было приятно и не по себе одновременно. Неясное чувство...

– На самом деле, я никуда не спешу.

– Значит, ты можешь остаться здесь.

– Разве что, задержаться немного...

– Или много.

– Это приглашение?

– А разве я не озвучивал ранее своего желания предоставить тебе крышу своего дома навсегда?

Я среагировала смехом на слово “навсегда” и качнула головой, как бы в попытке вытряхнуть из неё лестные слова, но больше ничего не ответила.

– Тебе очень идёт это платье.

– Если честно, я не привыкла носить платья. Даже не могу припомнить, когда в последний раз была одета хотя бы в подобие платья... Должно быть, в своём человеческом детстве, не позже десяти лет от роду.

– Какое упущение.

– Вовсе нет. Мне комфортнее в *обычной* одежде.

– Уверен, ты в любой одежде выглядишь великолепно, но ты не сможешь оспорить в моих глазах тот факт, что в платье ты выглядишь ослепительно.

– Прекрати.

– Что прекратить?

– Ты то и дело пытаешься смутить меня.

– Вовсе нет. Но... У меня получается?

– Вовсе нет!

– Ха-ха!..

Мы снова свободно улыбаемся, и я снова уже не столько осознаю, сколько чувствую, что в принципе общаться нам в кайф.

– Скажи, почему вы здесь все одеты подобным образом? Стилль современного средневековья с элементами готики, мне, конечно, нравится, но каким бы изысканным ни был этот стилль, ведь он не самый практичный.

– В пределах Дворца мы наслаждаемся созиданием, а не практичностью. И к тому же, кому, как не Металлам может легко даваться подобная мода: мы не споткнёмся, даже зацепив длинный подол, корсеты не задушат металлический скелет, тяжесть нарядов нашей силе неведома.

– Но ведь это не причина, верно?

– Верно... Дело в предсказании.

– Не понимаю. Объясни получше.

– Это место отстроилось и сохранилось благодаря предсказанию провидца. Слышала о таких личностях?

– В конце двадцать первого века начали появляться разговоры о прорицателях, но таких людей, то есть тех, кто говорил странные вещи о будущем, принимали за сумасшедших.

– Быть может, они в какой-то мере и сумасшедшие, и, скорее всего, большинство из них таковыми являлись до самого основания своих сознаний, однако среди таких людей находились и настоящие бриллианты. Один из этих бриллиантов предсказал, что это место не падёт до тех пор, пока не падут с металлических плеч бальные одежды. Во времена, когда были сказаны эти слова, Металлов ещё не существовало. Так что, соблюдая дресс-код, мы придерживаемся предписания предсказания.

– Необычно... – мой взгляд цепляется за цветущую неизвестными мне оранжевыми цветами клумбу. – Очень похоже, у вас здесь настоящая утопия: красота внутри Дворца и за его пределами, ухоженные сады и чистые одежды, есть даже горячая вода в избытке... Интересно, какие ещё “необычности” у вас имеются?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.